

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ,
ЛЮБЕЗНЫЕ,
ПРИТЧИ

РЫБЬИ
И
НЕРЫБЬИ

Народное творчество (Фольклор) Быль и небыль. Русские народные сказки, легенды, притчи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51828543

Быль и небыль:

ISBN 978-5-91051-031-3

Аннотация

Русские народные сказки в изложении Т. Г. Габбе – мастера перевода из устной формы в письменную.

Сказки этого сборника разнообразны и по содержанию и по типу – тут и притчи, и предания, и сатирические сказки, и сказки антирелигиозные, и бытовые. Все это сказки о людях, только одна сказка о зверях – «Собака и волк», но и в ней участвуют люди, и все события – для вразумления людей. В других сказках звери появляются как помощники людям, как помеха злу, но никогда – как носители зла.

Много всякой «нечистой силы» в этих сказках, носителей соблазна, злой воли, но они не вызывают ни страха, ни почтения, – человек всегда стремится перехитрить «нечистую силу», разоблачить, оставить «черта» в дураках. Можно сказать, что не «суеверия» народные запечатлены в этих сказках, а

образные представления сил природы, добра и зла, человеческих недостатков – глупости, жадности, зависти. И всегда здесь в сказке присутствует доброе начало: то воплощенное в каком-то благородном образе, то заключенное в словах рассказчика, то выраженное общей атмосферой доброты и мудрости народной.

Содержание

От издательства	5
Вместо предисловия	8
Про двух братьев – про богатого и бедного	18
Сват Наум	27
Петров день	44
Змеиный язык	58
Волшебное зеркало	74
Чудо-чудное	91
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Т. Г. Габбе

Быль и небыль

От издательства

Когда встречаешь что-либо талантливо сработанное, охватывает чувство благодарности к тому, кто не смотря ни на что преодолел устоявшуюся рутину и сделал доступной изначальную Красоту. Красота ведь – нет, не страшная сила, – она, как посылка из родного дома, как весточка с нашей общей человеческой Родины.

Тамара Григорьевна знала, что делает. Свой сборник она называет «светским» изданием народных сказок. А дальше: «мы не будем бороться за сохранение местного диалекта и оставим в неприкосновенности только причудливые обороты и даже неправильности речи, которые особенно тонко характеризуют интонацию и стиль рассказа». Тамару Григорьевну Габбе без преувеличения можно назвать сказительницей, рассказчицей всех сказок этого сборника. Ей каким-то образом удалось стилистически свести их все в одно гармоническое единство, в одну общую картину. И чувствует она себя при этом реставратором, поскольку ей пришлось удалить «все наносное, угадать, что утеряно, восстановить разрушенное, проявить побледневшее».

Устная передача – то, что мы (скорее, читатели, чем слушатели XXI века) почти перестали ощущать. Нельзя сказать, чтобы устность (в противовес письменности) совсем исчезла. Мы начинаем с того, что детьми изустно получаем знание этого мира от матери и от отца. Посредством устной речи мы научаемся также понимать и произносить слова, предложения; выражать мысли, передавать собственные впечатления; рассказывать и пересказывать. Но время, в которое мы живем, все меньше и меньше оставляет нам для восприятия область слуха, а в ней звучащее слово. Искусству рассказа, искусству сказывания по-прежнему отдают должное и по-настоящему ценят его лишь в местах вынужденной изоляции. И теперь редко, кто из читателей готов согласиться с тем, что устная и письменная речь принципиально отличаются друг от друга.

Вот как говорит об этом Тамара Григорьевна: «Интонация, ... которая звучала при устном рассказе и заменяла ... художественные средства, необходимые для изображения лиц и событий, в самой точной стенографической записи зачастую исчезает». И чуть раньше: «Читатель не всегда заметит и оценит драгоценные сказки – отчасти ... потому, что сами они – в большинстве случаев – не вполне перешли из устной формы в письменную».

Каждая сказка этого сборника свидетельствует о том, что Т. Г. Габбе – мастер перевода из устной формы в письменную. Ее сказки пробуждают в нас забытый вкус устного из-

ложения, они полны тем, что теперь принято называть драйвом. Их читаешь глазами, а они звучат; они звучат, и когда закрываешь книгу, и долго после того:

«...Хозяин давай поигрывать кремешком по заслонке:

Тринь, тринь, тринь, Васильевна,
Тринь, тринь, тринь, куды пошла!..

А леший под эту музыку и ну плясать! Чуть потолок в избе головой не выломил.

Плясал, плясал, да вдруг и пропал совсем. Будто и не было его...

Все скорей к окошкам, к дверям. А уж он вон где идет! Раз шагнул – через реку, два – через лес...

Обернулся сыздали, махнул рукой.

– Живите! – говорит.

И ушел».

2008 год

С. Гражданкин

Вместо предисловия

Наша страна принадлежит к числу тех счастливых стран, где сказка еще жива. Не только в глухих и отдаленных углах нашей родины, но повсюду, на всех путях и перепутьях, в вагоне железной дороги, на палубе парохода, в бараке строительных рабочих или сплавщиков, а в годы войны – даже в бомбоубежищах, вы могли услышать неожиданный вариант сказки или ее беглый пересказ.

Сказка никогда не была оседлой. Она странствует по большим и проселочным дорогам, по рекам и морям, на грузовике, на поезде – как угодно, и в этих странствованиях больше обогащается, чем теряет.

А в дни великих походов и больших переселений она шла вместе с войсками на фронт, с эшелонами в глубокие тылы, с Поволжья – на Карпаты, из-под Москвы – в Казахстан.

Никогда еще люди нашей страны, жители самых разных областей не сходились так близко, деля меж собой заботы, труды и редкие досуги.

Во время этих встреч люди немало пересказали друг другу – о себе, о своих родных местах, о своей новизне и старине.

Русские люди любят рассказывать, умеют рассказывать и знают толк в народном анекдоте, в шуточной новелле, в историческом предании и, может быть, более всего в том чу-

десном сочетании были и небыли, которое называется сказкой.

Она прельщает рассказчиков и слушателей своим особенным музыкальным строем, который не теряется даже в самом вольном и прозаическом пересказе.

Она привлекает смелыми и глубокими обобщениями философского и этического характера и тем особенным сочетанием были и небылицы, волшебства и реальности, которое так присуще этому тонкому, сложному и в то же время доступному виду народной поэзии.

Война научила нас еще сильнее и глубже любить землю, на которой мы родились и выросли. Нам еще дороже стал ее язык во всех оттенках и переливах местных говоров и наречий. Мы стали бережней ценить ее старину, ее сказанья и поверья, за которыми так явственно проступает народный ум, юмор, острое чувство реальности.

На сказку отзываются не только дети.

Правда, ее конкретность, увлекательность фабулы, стремительный темп повествования, позволяющий охватывать бесконечные времена и пространства, богатство фантастических образов и приключений – все это как нельзя больше соответствует воображению ребенка и юноши.

Но ее здравый смысл и житейский опыт, ее философия и мораль, наконец, ее стилистические особенности обращены к читателю зрелому, искушенному жизнью и книгой.

Между тем сборники сказок чаще всего издаются либо

как детские книжки, либо как сборники фольклорных изысканий.

А ведь, в сущности говоря, сказки имеют бесспорное право на те полки библиотеки, которые отводятся художественной литературе – беллетристике и поэзии.

Их должны были бы читать наряду с повестями, романами, рассказами и лирическими стихами. Если это не происходит, если фольклорный сборник снимают с полки реже, чем любую бойкую повесть, в этом виновата не сказка.

Успех, которым она может и должна пользоваться, тысячекратно проверен и сомнению не подлежит.

Но для того, чтобы народная сказка пользовалась у читателей тем же вниманием, какое завоевано ею у слушателей, она должна быть рассчитана именно на читателя.

Самые лучшие, самые богатые и достоверные из фольклорных собраний не заменят собою сборников, предназначенных для чтения, так же, как и самое изящное и поэтическое «светское» издание сказок, рассчитанное на широкую аудиторию, не может служить безоговорочно материалом для изучения особенностей местных говоров, путей развития сказочных сюжетов, образов и т.д.

Скажем – в предисловии к одному из солидных трудов научного характера собиратель сказок Д. К. Зеленин предупреждает читателя: «...Упадок, постепенное вымирание народной сказки в Яранском уезде – вне всякого сомнения». Далее (на стр. X) он сообщает, что в отделе примечаний

он дает краткий пересказ всех сказок и прибавляет «Советую читателям обращаться предварительно к этому пересказу во всех тех случаях, когда подлинник сказки почему-либо (вследствие обилия местных слов, вследствие спутанности рассказа и пропусков, что встречается, напр., у дряхлого Краева) малопонятен: после знакомства с содержанием сказки по краткому пересказу подлинная сказка будет много понятнее».

Не обсуждая по существу вопрос о том, действительно ли выродилась и вымерла сказка в Яранском уезде, мы вряд ли включим в сборник антологического типа образцы «упадочных» сказок с таким количеством диалектизмов, пропусков и несообразностей, что и понять-то их можно только после предварительной подготовки по конспекту.

Или вот другой пример. В богатейшем собрании Белозерских сказок бр. Б. и Ю. Соколовых, в введении ко всей книге (гл. V) специально выделена категория «неумелых сказочников». Собиратели пишут: «Помимо сказочников опытных, умелых, есть немало и других. Есть плохие, мало искусные сказочники, из рук вон плохо владеющие рассказом. Сказок знают мало. Речь их обычно нетверда и путана. Но и они представляют несомненный интерес для объективного исследования сказочного творчества. Сказочные формулы их нестройны, несладко переданы, рассказ очень краток. Подробности забываются, и сказочник употребляет усилия их припомнить... В качестве яркого примера полного неумения

владеть сказочной речью и облекать рассказ в связную форму мы можем привести старушку Дарью Гавриловну Шарашову...»

Возможно, что для объективного исследователя яркие примеры такого рода представляют какой-то особый специальный интерес, но в сборник, предназначенный для широкого читателя, мы не включили бы сказок старушки Шарашовой, хоть она и занимает такое выдающееся место среди всех неумелых сказочников.

Точно так же мы не рискнули бы предложить широкому читателю варианты незаконченные и несовершенные, даже если эти варианты ни разу не были опубликованы в печати.

В сборнике, предназначенном для большой аудитории, мы не будем бороться за безусловное сохранение местного диалекта и оставим в неприкосновенности только причудливые обороты и даже неправильности речи, которые особенно тонко характеризуют интонацию и стиль рассказа.

Научное и «светское» издания народных сказок не исключают одно другое, не спорят друг с другом. Они имеют равное право на существование и, в сущности говоря, даже сотрудничают между собой.

Художественное издание народных сказок немислимо без той огромной работы, которую проделывают предварительно фольклорист-исследователь и собиратель.

А с другой стороны – популярное издание всегда вызывает приток интереса и внимания к народной поэзии и вербует

новых людей в ряды ее ревнителей и собирателей.

Примечательно, что почти во всех классических сказочных сводах – в сказках Перро, братьев Гримм, в «Тысяче и одной ночи», обработанной Галланом, в норвежских сказках Асбьернсена, в русских сказках Афанасьева, сыгравших такую большую роль в фольклористике, несомненно, учитывались интересы и широкого читателя. Недаром книги эти завоевали прочную любовь стольких поколений.

Правда, сейчас не те времена и не те песни, вернее – сказки.

Со времен Асбьернсена, братьев Гримм и даже Афанасьева наука о народной поэзии настолько развилась, задачи ее настолько дифференцировались, что уже почти немислимо представить себе сборник сказок, одновременно и научный, и популярный.

Наши современники должны выбирать один из этих двух путей.

Все эти соображения положены мною в основу работы над настоящим сборником.

В сборниках наших фольклористов, наряду с вариантами фрагментарными, сбивчивыми, рассказанными иной раз «нестройно и нескладно» (по свидетельству самих же фольклористов), встречается множество драгоценных сказок.

Читатель не всегда заметит и оценит их – отчасти потому, что они затеряны в массе несовершенного и трудного для

восприятия материала, отчасти же потому, чтоб и сами они – в большинстве случаев – не вполне перешли из устной формы в письменную.

Интонация, та живая, выразительная интонация, которая звучала при устном рассказе и заменяла собою очень многие художественные средства, необходимые для изображения лиц и событий, в самой точной стенографической записи зачастую исчезает. Одни детали рассказчику удаются, другие нет, или он просто их не помнит. Сюжет бывает нестроен и непропорционален. Рассказчик может прервать сказку или сократить ее – в зависимости от внешних обстоятельств. Он может, наконец, повернуть рассказ в другую сторону, на ходу перекроив сюжет – под влиянием своего собственного настроения – или вкуса аудитории.

Человеку, которого интересует сказка как законченное произведение, приходится зачастую проделывать ту же работу, что и реставратору картины. Он должен снять все наносное, угадать, что утеряно, восстановить разрушенное, проявить побледневшее.

Работая над одной сказкой, он пользуется многими смежными вариантами и тем запасом сказочных деталей – зачинов, концовок, присловий, отдельных мотивов и сентенций, которыми непременно должен располагать человек, приступая к работе такого рода.

При составлении и редактировании этого сборника я пользовалась по преимуществу сказочными сводами Афана-

сьева, Худякова, Смирнова, Ончукова, Садовникова, Зеленина, бр. Соколовых.

Я сознательно воздержалась от включения в сборник тех сказок, которые изданы нашими фольклористами за последнее время и, следовательно, могут быть достаточно известны читателю.

По той же причине я не слишком часто прибегала к собранию Афанасьева.

Запас русских сказок огромен и разнообразен.

Приступая к составлению сборника, я ограничила свою задачу подбором тех чудесных историй, которые у читателя, собственно говоря, называются сказками.

Сюда входит и традиционная волшебная сказка, и предания, и притчи, и так называемые «былички» – то есть самые смелые и фантастические небылицы, которые только можно выдумать.

Впрочем, в каком-то смысле название «быличка» подходит почти ко всем русским волшебным сказкам. Столько в них среди небылиц рассеяно всякой были – точных и метких наблюдений, бытовых подробностей, здравых и трезвых мыслей о человеческих отношениях. Наконец, так верно и точно отразилась в них русская природа. Великан наших сказок, какой-нибудь леший, ростом не с гору, как это бывает в сказках горских народов, – а с хорошую сосну. Да и то не всегда он так велик. «Бором иду – вровень с сосною, полем иду – вровень с травой». А среди людей он такой же, как

они, разве чуть-чуть поболе. Мужик мужиком.

И не только леших, даже и святых наделили русские сказки обликом и характером вполне реальным, земным, русским. Это не иконописные святые с венчиками и темными бесстрастными ликами. Это совсем живые и даже как будто знакомые нам люди. Они хитрят, спорят друг с другом, попадают впросак и даже предпочитают хорошо спетую мирскую песню плохо спетым духовным стихам.

Уж если кто взят русской сказкой с иконы, так это, пожалуй, черти. Они, не в пример лешим, никогда не меняются, не становятся вровень с травой и сосною, а всегда остаются теми же хвостатыми, рогатыми, черноглазыми озорниками – иностранцами среди русской природы.

Недаром же, когда им случается в сказке столкнуться с лешими, человек – и герой сказки и автор – всегда оказывается на стороне своего земляка – лешего.

Черти существуют в сказке словно только для того, чтобы быть посрамленными. Они никогда не бывают достаточно умны и дальновидны, чтобы одолеть хорошего человека.

Тем-то и пленительна народная сказка, что энергия добра и сила разума всегда преодолевают в ней все ухищрения злости, коварства, жадности и своекорыстия.

Если этому сборнику удастся донести до читателя своеобразное сочетание фантастического и реального, причудливость выдумки и трезвость наблюдения, присущие русской сказке, он в какой-то степени оправдает себя и осуществит

намерения составителя.

1946 год

Т. Габбе

Про двух братьев – про богатого и бедного

Жили в одной деревне два брата – богатый и бедный.

Богатый ездил в город и продавал пшеницу, а у бедного дети по миру ходили – себя кормили да отцу с матерью носили.

Вот раз надумал бедный брат богатому поклониться и просит его чем ни на есть пособить.

А богатый и говорит ему:

– Чем просить, братец, собери-кось весь свой хлеб да снаряжайся со мной в город на базар. Нынче на пшеницу цены хорошие, да и на другой хлеб цена хороша.

Пошел бедный брат – все засеки подмел, собрал весь хлеб до зернышка – сколько было у него.

Набралось мер пять.

Запряг лошадку. А лошаденка была у него худая-прехудая. Ну, да не тяжело везти, авось потянет.

А богатый брат такой воз накрутил, что едва лошадь повезла. А была хорошая, – сытая да резвая.

Вот и отправились оба в дорогу.

Богатый перéже едет, а бедный сзади.

Подъезжают к горе. Богатый хвоснул лошадь кнутом и живо в гору поднялся, а бедный до полугоры доехал, и стала лошадь.

Вынул он из саней сена, наклал лошадке – время-то уж к вечеру было, – а сам пошел сучьев наломать, костерок развести.

Шел лесом, шел и отбился от своей лошади. Густо лес стоит – и вперед не пойти, и назад не выйти.

Вот он влез на дерево, чтобы поглядеть – нет ли в какой стороне огонечка.

Глядел-глядел – и видит: в одной стороне чуть светится.

Он и пошел туда, на огонек.

Выходит на широкую поляну. На поляне дом стоит большущий-пребольшущий, нигде такого не видывал.

Заходит он в этот дом, а в доме никого нет, пусто.

Он одну дверь отворил, другую отворил, туда заглянул, сюда посмотрел – и видит: стоит стол накрытый, и на столе много всякой еды и вина всякого разного.

Только он хотел за стол сесть, слышит – за стеной кто-то голос подает:

– Коли ты добрый человек, поди сюда!

Он пошел. А там женщина, незнаемо какая, родами мучается. И некому у ней младенца принять, некому обмыть.

Ну, мужик принял у ней ребеночка, прибрал, обмыл да тут же и окрестил.

После того повела его эта женщина к столу, посадила и давай угощать. Наелся бедный брат так, что бока на сторону, и вина напился допьяна.

А женщина ему и говорит:

– Иди теперь схоронись до поры под печку. А то худо будет. Придет мой муж и убьет тебя.

Он пошел, залез под печь и сидит там.

Слышит: застучало в дверях – приходит муж той бабы.

Зашел в дом, спрашивает:

– Что это будто у нас русским духом пахнет. Нет ли кого чужого?

Она говорит:

– Чужих нет.

Ну, он больше спрашивать не стал, сел за стол.

– Давай, жена, ужинать.

Она подает. То подает, другое подает, а потом и говорит:

– Да, ты ведь и не знаешь, что тут без тебя было.

– А что было?

– Да кабы не добрый человек, я бы, может, и по земле боле не ходила.

– А чем тебе добрый человек помог?

– То-то, что помог. Сынка принял. И обмыл, и окрестил.

Теперь он нам кум.

– А где он у тебя? – спрашивает тот мужик.

– Да вон под печкой сидит.

– Ну, кум, выходи! – говорит хозяин. – Выходи, не опасайся. Попьем, поедем!

Вылез бедный из-под печки и сел за стол с новым кумом.

Пьют да едят да песни поют.

А бедный нет-нет и задумается.

– Ох, – говорит, – кум, я-то здесь сыт да пьян, а дети и жена дома голодом сидят.

– Не толкуй, кум! У меня им брошен узелок оржаной муки

– хватит до твоего приезде.

Один день гостит мужик у кума с кумой и другой день гостит.

А на третий говорит куму:

– Пора мне, куманек, в город ехать.

– Что же, коли надо, поезжай. Я тебе своего Серка дам.

И вот запряг он куму Серка и насыпал целый воз пшеницы, а кумушка в скатерку попутничков завязала.

– На тебе, кум! Хватит, пока домой не приедешь!

Взял он эти попутнички и сел в сани. А кум ему и говорит:

– Поезжай с богом. Да только крепче на возу держись. В гору поедешь – там твоя лошадь стоит. Я ей сена подбросил. А под гору поедешь – там твой брат лежит. Его опрокинуло и возом придавило. Так ты, когда мимо проезжать будешь, задень легонько за рбспуски, вот и выручишь его. Прощай, кум!

Махнул он шапкой. И как махнул, так и покати́л этот Серко – только снег из-под саней порхает. А править им и не надо – сам знает, куда идти. Да только не идет, а ветром летит.

Бедный брат привалился на возу ни жив ни мертв. Вот, – думает, – убьет его Серко.

Да нет, ничего, живой едет – хоть и скоро да споро.

Идет мимо горы, где лошадь была оставлена. Смотрит-смотрит, а ее едва видать, до того много сена кругом навалено!

Стал под гору спускаться. Верно – братний воз опрокинут

лежит, и хозяин под ним чуть жив.

Ну, он мимо поехал, за роспуски задел и распрокинул воз.

Поднялся богатый брат и поехал вслед за бедным. Да только теперь и не угнаться за ним. Зря лошадь мучает. К вечеру добрался до постоянного двора. А брат уже там, – вместе пристали ночевать.

Богатый спрашивает бедного: где, мол, такого коня взял?

Тот рассказывает: так, мол, и так.

Богатому это обидно показалось.

«Пойду, – думает, – на двор и наложу ему каменьев в воз.

Пускай приостановит своего Серка».

Подумал и сделал. Ночью пошел во двор и давай под хлеб да под рогожу камня класть. Кладет, кладет – полкуба наложил...

– Ну, теперь, – говорит, – с места не скрянуть.

И пошел обратно в избу.

Утром, чуть свет, собирается богатый брат в город. А бедный еще на печи лежит.

– Поезжай, – говорит, – братец, вперед. Я тебя настигну.

«Настигнешь теперь! – думает богатый брат. – Как бы не так!»

Вот едет он, едет, погоняет коня. А сам нет-нет да и оборотится назад – не видать ли брата?

Раз оборотился, другой оборотился – никого не видно.

А в третий раз обернулся да поглядел – снег столбом стоит! Вот он – Серко! Догоняет, догоняет – и перегнал!

Богатого брата ажно пот на морозе прошиб.

Думает: «Что ж такое? Столько камня наложил, а он везет, воза своего не слышит...»

И вот приехали оба брата в город. Стали рядом и раскрыли воза.

Пошел народ пшеницу покупать.

Подойдут к богатому брату, посмотрят: ничего, хлеб как хлеб.

А подойдут к бедному брату – и остановятся: не видано такой пшеницы! Зерно в зерно! И где выросла!

Стали вокруг него толпиться, толкаться. Всякому купить охота.

Распродал бедный брат всю пшеницу – до зернышка. Глядь, на дне воза, где камень было наложено, – сахарные головы лежат.

Богатый брат как увидел это дело, так почернел весь.

А бедный уж и дивиться перестал.

– Сахару, – говорит, – кому надо? Сахар продаю!

Продал – и цельный мешок денег выручил.

Потом воз закрыл, сел на возу.

– Прощай, – говорит, – братец! – И махнул шапкой.

И как махнул – так Серко и покатило, что сильнее ветру!

Привез его обратно, к куму.

Кум спрашивает:

– Ну что? Продал пшеницу?

– Продал, – говорит и подает куму денег мешок.

А тот не берет.

– Тяжел ли мешок? – спрашивает.

– Ничего!

– А довольно ли тебе на поправку будет?

Бедный брат только кланяется.

– Довольно, кум.

– Ну, садись теперь с дорожки пообедать! И винца попьем.

Сели за стол. Бедный и говорит:

– Мне-то здесь хорошо. А дети там голодом!

– Не толкуй, кум! У меня им два узелка брошено. Хватит

до твоего приезду.

Два дня погостил мужик у кума с кумушкой, а на третий собираться стал.

– Ну, кум, спасибо тебе, а мне домой пора.

Кум говорит:

– Коли пора, то и пора.

И свел мужика в погреб. А в том погребе три засека с деньгами: в одном – медные, в другом – серебряные, в третьем – золотые.

Он ему насыпал три мешка золота, три мешка серебра и четыре мешка меди.

Вынес, положил на дровни и говорит:

– Это тебе в придачу. Да еще дарю тебе своего Серка, а ежели этот Серко плох будет – приезжай. Я тебе нового дам!

И вот попрощался он с кумом и кумушкой, сел в дровни, свистнул – и как покатыл Серко! Шапки на голове не удер-

жать!

Опять едет мимо той горы, где лошадь у него оставлена была. Смотрит: она как стояла, так вся в сене и стоит.

Не видно даже, где она есть.

Ну, он выкопал лошадь из сена, привязал ее сзади и приехал домой.

Впустил Серка на двор, а дети бегут, встречают отца.

– Папа, теперь у нас хлеба много. Теперь мы не будем плакать да у чужих просить.

Заходит он в сени, а там четыре куля муки принесены. Заходит в избу – по всем по лавошникам много хлеба напечено.

А богатый брат как поехал, так и вернулся назад. Всю пшеницу обратно привез. Никто у него и горсти не взял. Будто он всю свою удачу вместе с камнем на братний воз переложил.

Так с тех пор и стало. Что ни делает богатый – все без толку. Хоть брось! Никакому началу нет хорошего конца.

А бедному во всем удача пошла. Живи да радуйся да кума добром поминай!

А кто он есть тот кум – про то неведомо. Человек ли, нет ли – иди знай!

Всяко бывает.

Сват Наум

Жил на свете мóлодец. Парень ладный был – хорош, пригож, а имения – ни кола, ни двора, ни мила живота. Хлеба – что в брюхе, а платья – что на себе.

Вот он и раздумался:

– Долго ли мне бобылем мыкаться – на чужих дворах, при чужих полях? Видно, надо свой дом заводить. Да лиха беда – начало. Сам я молодой, а ум в голове и того моложе. Эх,

были бы у меня живы покойник-батюшка али матушка-покойница, сказали б они мне, с какого краю начинать.

В таких мыслях шел раз парень по берегу. Видит – лодочка плывет, а в лодочке женщина – не так, чтобы древняя, не так, чтобы молодая. Бабушка – не скажешь, сестрицей не назовешь.

Снял парень шапку, покивал, помахал.

– Тетенька, – кричит, – а, тетенька! Пристань к берегу!

Подгребла женщина к берегу, спрашивает:

– Что тебе, молодец, надо?

– Да вот что, тетенька, была у меня на ручье мельница.

Мельницу в разлив водой унесло, а жернова по воде уплыли.

Ты, часом, не видела ли их?

– Тьфу, дурак! – говорит женщина. – Да когда же это жернова по воде плавали?

– Так-то так, тетка! – говорит парень. – Да все на свете бывает.

Плюнула женщина и оттолкнулась от берега, а он дальше идет. Прошел немного – видит: опять лодочка выплывает, а в лодочке – старичок.

– Эй, дедушка, не видал ли жернова? Мельницу у меня давеча унесло, а жернова по воде уплыли...

– А, так это твои жернова плавали? Видел я их вчерась, видел. Только они не вниз, а вверх по реке пошли. Вороти назад – не там ищешь.

Поклонился парень старичку и говорит:

– Нет, дедушка, где искал, там и нашел. Сделай милость, пристань к берегу!

Причалил старичок.

– Как тебя величать, дедушка? – спрашивает пареньь.

– Дед Наум.

– Ну, дед Наум, наставь на ум. Научи меня, как на свете жить.

Посмотрел на него старичок.

– А тебе, что ж, – говорит, – своего ума не хватает?

– Отчего не хватает? Как раз хватает, чтобы чужого при-
занять.

– Ишь ты какой! Ну, залезай в лодку, берись за весла, а я на корму сяду.

Поплевал парень на ладони, налег на весла, а старичок за руль взялся – правит. Ходко идет лодочка, как ножом воду режет.

– Ну, – говорит старичок, – сказывай, какая у тебя забота?

– Так и так, – отвечает пареньь, – один я на свете, нет у меня ни дома, ни родни...

– Что ж, это беда поправимая. Жениться тебе надо.

– Правда твоя, дедушка, женился бы я, да разве за меня выдадут? Какой у меня зажиток? Весь я тут.

– А что? – говорит старичок. – И этого не мало. Только надо за дело умеючи браться. Есть у меня невеста на примете – и собой хороша, и на работу проворна, и родители богатые – полон дом добра. Отца хлебом не корми, а похвастать дай.

– Ну, – говорит парень. – Разве такой за меня отдаст?

– Такой-то и отдаст. Погоди маленько, сам увидишь.

– Ах, дедушка, сосватай ты меня, дак будешь мне родней родного батюшки. Право слово – заместо отца почитать тебя стану.

Старичок говорит:

– Ладно, ладно, сосватаю. Подгребай-ка, братец, к берегу.

Заночуешь у меня, а завтра, благословясь, и пойдем.

Вот утречком встали сват и жених, студеной водицей умылись и пошли себе.

Недолго шли, видят: дом – не дом, а хоромы! Двор большой, метен чисто, окошки светлые, и крыльцо с навесом.

Остановился жених, поглядел на свата: вперед ли идти, или назад ворочаться? Ворочаться-то будет жалко, а вперед идти – будто страшно. Не ровен час, прогонит хозяин.

А сват говорит:

– Ничего, не робей! Ничем ты его не хуже. Он нынче богат, а ты завтра богат будешь. У него дочка пригожая, дак пусть он ее за тебя отдаст, твои дочки еще приглядней будут. Он хвастаться горазд, а мы его и тут за пояс заткнем. Знай одно – держись веселей.

Заходят они в дом – хозяевам поклон, дочке особо. Хороша дочка – глаз не отвести. Загляделся на нее парень и про хозяев забыл. Ну, да благо сват свое дело помнит: прямо к свадьбе разговор ведет.

Слушает его хозяин, потчует гостей винцом да закусоч-

кой, а сам промежду прочим спрашивает:

– А что же вас двое только? Неужто больше никого и родни нет?

– Как не быть! Да если всю нашу родню и породу собирать, так два года надобно. Наши-то по всей России живут – здесь пашут, там рубят, там сети заводят, там стены кладут... Никак нельзя их от хозяйства отымать. А мы-то двое уж тут – и на свадьбе оба будем, коли дело сладится.

– Что ж, – говорит хозяин, – парень будто ничего... Да есть ли у него такой дом, как у меня? Ты погляди, сватушка, из какого лесу строено. Такого лесу и на дворец не ставят. Корабельный лес!

Встал сват с места, походил под стеною, погладил дерево ладошкой.

– Правда твоя, – говорит, – прочная постройка. Два века выстоит. А все не то, что у нашего жениха. Поверишь ли, почтенный, у него, когда бревна на дом возили, так в понедельник видишь, что комель везут, а в среду только вершина мимо прошла!

Покачал головой хозяин – не понять ему: то ли бахвалится сват, то ли смеется над ним.

– Вот что! – говорит. – Покажу я вам своего любимого конька. Дорого он мне стал, да я не жалею. Всем коням конь! И сбруя на нем под стать: до последнего гвоздика серебряная. Пусть-ка жених на таком коне за невестой приедет – отдам за него дочку, слова не скажу. А не приедет на таком ко-

не, то и свадьбе не бывать.

Вышли они на крыльцо, и проводят перед ними коня. Не конь – загляденье! И сбруя на солнышке, как ручеек, блестит – смотреть больно!

Понурил голову жених, а сват ничего, не робеет.

– Ты, – говорит, – не думай, хозяин, что мы тебе врем, на сватовстве у тебя выпивши. А конь – что! Коня мы еще получше найдем. Приготовляйся к свадьбе.

Идут они домой. Жених только под ноги себе смотрит да кудрями трясет.

А свату все нипочем. Глядит весело и жениха утешает:

– Да полно ты! Не горюй! Все хорошо. Только что вот ехать нам не на чем. Да разве это задача? На свадьбу съездить и черт коня даст.

Едва слово обронил, а черт тут как тут.

– Дам, – говорит, – как не дать! Завтра и поезжайте! Вот приходите на зорьке сюда, к этому самому месту – все и будет готово.

На другой день пришли сват и жених, куда приказано, видят: стоит конь, да такой, что и во сне никому не приснится, и сбруя на нем золотая, так огнем и горит. А рядом – другой конь, малость по-тяжельше, и сбруя на нем наборная, с серебром. Это уж, видно, для свата. Сели они и поехали.

Диву дался хозяин, как увидел этаких коней.

«Ну, – думает, – значит, жених и вправду богатый, побогаче меня».

И порешил отдать за парня дочку.

Честным пирком да и за свадебку. Гостей созвали, в колокола ударили, повенчали молодых, а после венца, как водится, – веселье. Пьют, едят, песни поют... Под конец на лошадях кататься вздумали.

Хозяин говорит:

– Вот у моего зятя – конь! Такого коня и на свете нет!

Идут смотреть – вот те и на! И вправду нет коня – как не бывало! Даже слуху не слышать. Да и сватов конь куды-то слинял.

Помертвел жених, а сват его в бок толкает: «дескать, прежде смерти ничего не бойся. Наше от нас не уйдет».

А сам шапку в руки.

– Что ж, – говорит, – честные гости, свадьба! Смотреть-то, выходит, некого, – свели коней. Да ведь недаром говорят: не то худо, что потерял, а то худо, что не хватился. Вы себе пейте, кушайте да веселитесь – ваше дело пир пировать, а мое дело – коней искать. Я женихов сват, я за него и в ответе.

Повернулся старичок, да и за ворота. Никто ему и слова сказать не успел.

Вот идет он, идет – не путем, не дорогой, не полем, не лесом – а как ноги несут.

Идет и думает:

«И на что нечистому эдакие кони? Ему на козле скакать положено. Эх, знал бы дорогу, сам бы, кажись, в пекло пошел да и вывел оттуда лошадок наших».

Только сказал, глядь: перед ним большой камень. И под камнем нора.

Заглянул он в нору, – глубокая, так холодом и несет. Обогнул камень и пошел дальше.

Шел, шел, ни вправо, ни влево, а все прямо, да прямо. Смотрит: опять тот самый камень и нора холодом дышит.

Что за чудо? Он опять обогнул камень и дальше идет.

Идет-идет, идет-идет, – и пришел. Опять перед ним тот же камень, а под камнем нора.

– Ну, – говорит, – которую дорогу не обойдешь, не объедешь, та, стало быть, и прямая.

И, недолго думая, полез в нору.

На земле – день белый, солнышко, теплынь, а под землей холодно да темно. Ночная дорога – длинная. Притомился старичок, продрог.

«Что, – думает, – уж не повернуть ли мне назад?»

А тут, глядь, и кончилась нора: вышел он на простор.

Вышел и смотрит по сторонам, – как тут под землей нелюди живут? А как мы живем, так и они живут. Все у них есть – небо и земля, песок и вода, березки и камушки. Только что у нас черное, то у них белое, а что у нас белое, то черное. Всего-то и разницы. А так – худого слова не скажешь. И лес высоко стоит, и трава густо стелется – смотреть весело.

Идет сват Наум мимо поля по дорожке, – любуется на хлеба. Вдруг слышит: лошадь сгорготала! Он туда-сюда поглядел, так и есть – давешние кони! Забрались, татаре, в хлеб и

хозяйствуют: не столько рвут, сколько мнут да топчут.

– А, голубчики, вот вы где!

Отломил он с березы ветку, выгнал коней на дорогу да и привязал их к дереву. А сам дальше пошел.

Идет, идет – видит, луга широкие, а на лугах стада пасутся. Справа-то все овцы, а слева-то все свиньи, и стережет оба стада змея. Свернулась на солнышке в три кольца и дремлет. А голову – нет-нет да и подымет: раз направо поглядит, раз налево.

Приметила змея незваного гостя да как зашипит... А сват, недолго думая, подобрал с земли острый камешек, прицелился и бросил. Свистнул камешек и будто ножиком голову змее срезал. Она и развернуться-то не успела. А он дальше пошел.

Шел, шел, долго ли, коротко ли, а пришел наконец. Привела его дорожка к большому дому. Он – во двор. Пусто. На крылечко, в сени – никого! А в горнице шумно, гамно, посуды брякают, песни кричат... Хоть святых вон выноси!

Заглянул старичок в дверь: полным-полно. Народу – что людей! И все такие сытые, гладкие... Кто по-городскому одет, кто по-деревенскому, а у всех одежда чистая, хорошая. Бедных вовсе не видать.

И что за господа под землей живут? Поглядел он, поглядел, и екнуло у него сердце. Глаза-то у господ у всех, как у одного, – черные, без белка. Будто уголь черны, будто уголь горят. Ясное дело – черти!

Попятился старик, да поздно. Приметили его хозяева.

– А-а! – кричат. – Сват Наум пришел! Иди сюда, сват! Садись, сват! Там не доел – здесь доешь! Там не допил, здесь допьешь! Там не допел – здесь допоешь!

И уж за рукава его хватают.

Делать нечего, собрался он с духом.

– Хлеб да соль! – говорит. И шагнул через порог.

Раздвинулись черти, дали ему место на лавке.

– Ну, ну! – кричат. – Угощайся! Больше гостей на свадьбе, больше веселья.

Посмотрел сват по сторонам, покачал головой.

– Это разве свадьба, – говорит. – Были бы у вас поминки, тогда дело другое. На поминках-то оно водится, что в дому гости, а хозяин на погосте. А свадьба без молодых не бывает.

Перемигнулись черти черными своими глазищами, рассмехнулись. А один, горбатый, седой, говорит:

– Наши молодые покуда наверху, за своим столом сидят, а придет время – и за наш угодят. Дай срок!

– Какие же это молодые? – спрашивает сват.

– Эвона! Сам сватал, а не знает. Какие у вас, такие и у нас.

– Вон что! – Примолк сват. Сидит на лавочке, примечает. Ишь ты! Ведь и впрямь накрыт у чертей свадебный стол, да мало того, что свадебный, точь-в-точь такой, как наверху, у богатого тестя: там поросята молочные, и здесь – молочные, там уха с головизной, и здесь – с головизной, с чем там пироги, с тем и здесь пироги...

– А вот чего я в толк не возьму, – говорит сват, – какая вам радость чужую свадьбу справлять? Не великое веселье – во чужом пиру похмелье.

– Что за чужой пир? – отвечает горбатый. – Нынче наш праздник. Как узнает тесть, что у зятя ни гроша за душой, так и начнет он его поедом есть. А муж на жене станет сердце срывать, а жена муженька попрекать, а все втроем – свата дорогого ругать, ко всем чертям посылать... А нам того и надобно. Где свары да ссоры – тут уж наша пожива, наша добыча! Так-то, сватушка!

Тут один молоденький чертик обиделся, да как закричит:

– Какой это сватушка! Не он сватал, – я сватал. Кабы не дал я жениху коней на свадьбу, не едать бы вам нынче свадебных пирогов.

– Э, нет, – говорит сват. – Не тот мастер сватать, кто сватает конем, а тот, кто сватает умом. Были бы у меня такие лошадки, как у вашей милости, я бы за своего жениха царевну высватал, а не то что...

– Думаешь, умнее черта быть?

– Умней, может, и не умнее, а глупей – так, может, и не глупее!

Подмигнул молодой черт всему своему проклятому братству и говорит:

– Что ж, давай потягаемся, кто кого умней. Загадаю я тебе загадку. Угадаешь – полную шапку золота насыплю и домой отпущу. Не угадаешь – останешься здесь на веки веч-

ные, служить мне будешь! Идет?

– Идет.

– Ну, вот тебе загадка: с копытами, а не конь, с хвостом, а не пес, с рогами, а не козел, о двух ногах, а не человек. Угадаешь?

– Как не угадать! – отвечает сват. – Обидно даже! Видно, вы наш умок ни во что не считаете.

– Да ты не финти! Говори, коли гадал!

– Что ж говорить? Где загадка, там и отгадка. Самая это ваша милость в полной форме.

Захохотали черти. Копытами стучат, рога расправляют, хвосты кажут. Смотреть страшно!

Зажмурился сват Наум, встал с места – и к дверям.

А молодой черт его за полы хватает.

– погоди! – кричит. – Эта загадка и вправду легкая. Я тебе другую загадаю.

Рассердился сват.

– Это против уговору, – говорит. – Ну, да ладно. Хочешь умом хвастаться, хвастайся. Только уж теперь мой черед. Я загадку загадаю, а ты отгадывай.

– А заклад какой?

– Да все тот же: отгадаешь, останусь у вас навечно копыта твои чистить, не угадаешь, мне вольная воля, да шапка золота, да в придачу, что спрошу. Идет?

– Идет.

– Ладно. Слушай. Шел я путем-дорогой, видел: добро доб-

ро топчет. Взял я добро да и выгнал добром добро из добра. Добро из добра от добра убежало. Угадывай!

Стоит черт, с копыта на копыто переступает.

– Что? – говорит. – Как ты сказал? Добро добром из добра... Ума не приложу... Это, видать, от Писания. Нам, чертям, эдакое и угадывать зазорно.

– Стало быть, не знаешь? Ладно, мой заклад. Или, может, хочешь – еще одну загадку загадану? Угадаешь – все насмарку, у тебя останусь. Не угадаешь – уйду и что приглянется с собой возьму. Идет?

– Идет.

– Слушай. Шел не путем, не дорогой, видел: зло добро стережет. Взял я зло да злом зло и ударил. От того зла злу конец пришел. Угадаешь?

Мнется черт, хвост ниже земли опустил.

– Это, – говорит, – опять от Писания. Откуда мне знать?

– Стало быть, мой заклад?

– Выходит, твой!

– Ну, сыпь золото в шапку!

Насыпал черт полный картуз до самого верху.

– А в придачу-то что берешь? – спрашивает.

– А тое самое добро, что из добра выгнал.

– Да полно тебе загадки загадывать – толком говори!

Засмеялся сват.

– Видел я, – говорит, – давеча в хлебах лошадок наших свадебных. Взял добрую погонялку да и выгнал добро из

добра. Вот мне этих коньков за первую загадочку и пожалуй-те.

– Ладно, пусть твои. А за вторую что?

– А как шел я к вам, так заметил два стада: справа-то все овечки, а слева-то все свинки. И сторожит оба стада змея. Вы уж не гневайтесь – змейку-то я камешком прикончил. У вас, чай, и без нее этого зла довольно. А свинок да овечек мне бы с собой прихватить!

– Ишь ты, хитрый какой! – говорят черти. – Да что с тобой поделаешь, бери!

Поклонился сват.

– Счастливо оставаться! – говорит. И на крыльцо.

Смотрит – что такое? Пусто кругом. Ни тропы, ни дороги, – одна трясина.

– Как же быть-то? – спрашивает сват. – Где у вас тут обратная дорога?

– А на что нам обратная дорога? – говорят черти. – От нас обратно не ходят.

– Да ведь мне наверх надо! И со всем добром. Неужто мне здесь на коне гарцевать да свиней пасти.

Усмехаются черти:

– А что тебя держит? Иди. А не хочешь идти – на коне скачи. Ишь, кони-то у тебя какие! Царские!

Призадумался сват Наум.

– Так, – говорит. – Кони царские, стада барские, а идти, видать, некуда. Ну, что ж, останусь у вас век вековать.

Достал он из кармана веревочку и дает один конец молодому черту.

– Подержи-ка, братец!

Тот удивился, взял. А сват Наум так и эдак веревочку натягивает, то вдоль, то поперек.

– Отсюда – туды – две сажени, – говорит. – Оттуда – сюды – три...

– Ты что это меришь? – черти спрашивают.

Поглядел на них сват Наум скóса.

– Как это что? – говорит. – Местность мерю. Келейку ставить хочу. А поживем да попривыкнем, так и цельный монастырь построим. Чай, у вас не праведники живут, а грешники. Надо же им грехи-то замаливать...

Всполошились черти.

– Пошел ты от нас прочь, – кричат, – со своим с монастырем. Навязался на нашу голову! Гоните его, братцы! Гоните! Что смотрите!

Да как дадут ему в спину пинка...

Перышком взвился сват Наум и полетел. Сколько летел – неизвестно, куда летел – неведомо... Закрылись у него от страха глаза, и ничего он не видел. Только слышал, как ветер в ушах свистит.

И вдруг, батюшки-светы! Летел будто вверх, а упал вниз. Брякнулся оземь и открыл глаза.

Видит – полная ночь кругом, с неба месяц светит, и стоит он перед теми самыми воротами, откуда днем ушел. Ря-

дом кони дремлют, а свиньи да овцы по всей дороге полегли – конца краю не видать. Ну, он хозяев будить не стал, а дождался утречка. Чуть солнышко встало, заходит в дом и говорит:

– Вот что, хозяйева, пришел я к вам не без горя, да и не без радости. Пока мы здесь свадьбу играли, погорел женихов двор. Как есть – погорел, до щепочки. Только и выручил я из пекла, что овец, да свиней, да жениховых коней, да вот старую шапку и золота охапку. Получайте свое!

Потемнел было тесть. «Вот, – думает, – выдал дочку за богача, а он – погорелец. Приведет в дом пару овец да паленую свинью – и взятки гладки».

А как вышел за ворота, да поглядел – сразу и обмяк.

– Зятюшка, дорогой, – говорит, – не горюй, оставайся у меня в доме жить. Мне же и с дочкой расставаться жалко. В тесноте, да не в обиде...

Поклонился зять тестю:

– Твоя воля, батюшка. Останусь. Только я ведь не один. Мой сват мне заместо отца родного, я без него и шагу не ступлю.

– А мы и ему поклонимся, – говорит тесть. – Кланяйся, дочка, проси свата нашим домком не побрезговать.

Молодая кланяется, а молодой еще ниже.

– Оставайся с нами, сват Наум, наставляй нас на ум!

Ну что ж, погордился сват, сколько следует.

«Что вы да что вы!» – говорит. А потом и согласился.

Так и зажили они вместе тихо да мирно – себе и добрым людям на радость, а чертям – нáзло.

Петров день

Вот, говорят, в прежние-то времена Господь часто по земле ходил. Примет какое ни на есть мирское обличие и ходит меж нас, грешных, сердца испытует.

Неспорно, нынче в эдакое плохо верится. А как подумаешь, дак ведь и вера – тоже! Дело темное! Недалеко ходить – было времячко, что люди – вон по железной дороге ездить опасались, картошечку кушать отказывались, табак курить за грех почитали. Верится, ай нет? А ведь было!..

Ну вот, стало быть, соскучился Господь на небесах. Мудреного нет: тоже, поди, человеком был. Какая ни есть, а прилюбилась ему, значит, земля.

Он и говорит апостолу Петру:

– Петр, а Петр, давай-ка мы с тобой, братец, на землю сходим, поглядим, как там да что. Ну! Какое твое мнение?

Апостол Петр отвечает:

– Сходить-то можно, да вот служба как? Мне райские двери сторожить надо.

– А что – двери? Не убегут двери.

– А ключи куда?

– Ключи на гвоздик повесь.

– А возьмет кто?

– Ну, кому тут взять! Народ кругом праведный.

А Петр-апостол сомневается:

– Праведный, праведный! Как соблазну нет, так и праведный. А как найдет искушенье, откуда и грешники взялись!

Нет уж, лучше не искушать. Бес, он тоже силен!

Покачал головой Господь:

– Маловер ты, Петр. Был маловер, маловер и есть. Ну, коли опасаясь, под порог спрячь. Вон щелочка-то...

– Разве что под порог!..

Спрятал апостол Петр ключи под порог, щелку щепочкой заткнул, и пошли себе.

Ну вот, значит, идут они в самом то есть рабском виде: лапотки плохонькие, одежонка еле держится, на боку – сума...

Апостолу было обидно.

– Что ж это мы, – говорит, – Господи? Хуже последнего нищего?..

А Господь ему:

– А как в Писании про последних-то сказано?

– Последние будут первыми.

– То-то!

Апостол и примолк.

Ну, вот ходят это они, смотрят, разговоры разговаривают. Где утешут, где присоветуют, где просто слово доброе скажут, – время-то и бежит.

На ночь глядя пришли они в деревню.

Притомился Господь. Сел у крайней избушки на завалинку и говорит:

– Постучись, Петр. Авось либо ночевать пустят.

Изумился Петр-апостол.

– Полно те, Господи! В эту избенку-то ночевать!

– А чем тебе избенка нехороша?

– Да ведь бедность, Господи! Хуже этой избы, кажись, во всей деревне нет. Того и жди – развалится.

– Стоит покуда.

– Нет уж, Господи, воля твоя, а я в другую избу постучусь.

– Это в какую же?

– А вон отсюда видать – не изба, хоромы! Там и ночевать пристанем.

– Да ведь не пустят!

– Как не пустят? Там и места и добра – всего много. А здесь, прости Господи, – босоты да голоты повешаны шесты. Анбары – ветром полны.

Махнул рукой Господь:

– Ладно уж. Покуда не научишься, умен не будешь. Ступай, стучись.

Пошел апостол Петр. Пошел да и пропал. Час ходит, другой ходит... Уж на что Господь долготерпелив, а и то соскучился, вздремнул на завалинке.

А времячко-то идет. Вовсе темно стало, холодно – ночь полная... Тут и воротился апостол Петр. Сел подле Господа одесную и молчит, разбудить боится. Да Господь и в тишине слышит. Открыл глаза, оборотился к апостолу и спрашивает:

– Ну что, Петруша? Пошли ночевать?

– Да куды, Господи? Правда твоя – не пускают ведь. Почитай, всю деревню обошел, только и слышал: «Проваливай, да проваливай! Много вас таких-то!» А того и не знают, что

един Бог в небе...

– Ну а в том, богатом-то доме как? В хоромах-то?

– И не спрашивай, Господи! Так обругали, что и сказать совестно. И побирушки-то, и воры, и бездельники... Мне, апостолу, и повторять зазорно. Истинно – нет стыда у людей. корки жалеют, углы берегут... А ведь хозяйство какое богатое!

Вздыхнул Господь:

– А что в Писании-то про богатых сказано?

– Легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в Царствие Божие.

– То-то. Забыл ты Писание, Петр!

– Помилуй, Господи! Да меня ночью разбуди, я каждую букву помню.

– Что ж ночью? Во сне ума не надобно. Ты днем помни.

Встал Господь и постучал в дверь:

– Милость ваша... родителям Царство Небесное... Пустите странников ночку переночевать.

Глядь – отворили дверь.

Вышла на порог хозяйка.

– Заходите, странички, заходите, Господь с вами... Ночка-то нынче холодная, росная... Грейтесь!

Зашли. Поглядел апостол кругом: ох, бедно живут! Корочку попросить – и то стыдно.

А хозяйка уже хлопочет, на стол собирает.

– Вот, – говорит, – хлебца краюшечка, вот – кваску, вот –

капустки. Не осудите, странички. Был хозяин жив, все у нас было. А нынче сами едва перебиваемся.

Кланяется ей Господь:

– Спасибо, хозяйюшка! Много довольны.

А Петр-апостол не вытерпел.

– Эх, – говорит, – горяченького бы сейчас! Озябли мы!

Приздумалась хозяйка. На печку поглядела, на ребятишек, на странников... А потом и говорит:

– Видно, не зря вас Господь нынче-то привел. Завтра у нас праздник – Петров день. Престол справляем. Так я для праздника ребятишкам-то похлебки наварила. Да авось и без похлебки сыты будут. Кушайте, странички, на здоровье. В печке-то не простыло.

Подала на стол чашку с похлебкой и маслица влила.

– Надо бы, – говорит, – побольше, да нету больше. Не осудите.

– А завтра что есть будете? – апостол спрашивает. – В Петров-то день?

– А что Бог пошлет...

Взялись они за ложки.

– Петр, а Петр? – Господь говорит. – Ведь хороша похлеб-ка?

А Петр-апостол только усмехается.

– Это, – говорит, – батюшка, с голоду так оказывает. А хорошенько распробовать, так и слова доброго она не стоит, похlebка эта. Варена на праздник, а вовсе постная, жиру и

не видать.

Поглядел на него Господь строго.

– Ой ли? – говорит. – А ну, считай, сколько в чашке глазков плавает. Со вниманием считай!

Стал считать апостол.

Считал-считал, сбился.

– Тьфу, прости Господи, – говорит, – да разве их сосчитаешь! Ведь не монета – масло! В очах рябит...

– Ну, коли рябит, круглым счетом говори!

– Круглым счетом – до сотни будет.

– Не меньше?

– Да и не больше.

– Ладно. Подай мне суму.

Подал суму апостол Петр, а Господь пошарил в ней рукой и достает горсть золотых. Положил на стол.

– Считай, Петр, не масло – монета.

Тот сосчитал.

– Ровно сто будет.

– Не меньше.

– Как раз.

– Ну, – говорит Господь вдовице, – это тебе, голубушка.

Прими, сделай милость.

А та не берет.

– Господи! За что же это?

– А за похлебку. Сколько глазков – столько и монет.

– Что ты, батюшка! Да разве оно стоит?

– Стоит, милая, стоит, не сомневайся. Еще мы у тебя в долгу – дай срок, разочтемся. А пока суд да дело, покажи-ка ты нам, где ночь ночевать. Устали мы.

Уложила она их как могла. И сама в уголочке прикорнула. Спит и не спит: от радости, как от горя, плохо спится. «Чем, – думает, – завтра гостей своих потчевать буду?»

Утречком, чуть свет, вскочила она, один золотой в кулак, и скорей – к богатой соседке.

– Акимовна, благодетельница, продай ты мне мучицы, сделай божецкую милость! Да яичек, да сметанки, да молочка...

– Ишь ты! Продай! А платить чем будешь?

Та ладошку-то и раскрыла.

– Вот, – говорит.

Акимовна аж глаза распахнула.

– Где взяла? Клад нашла, что ли?

– Клад не клад, а вчерась, под самую под полночь... – и рассказала соседке про странников все как было.

Та и взвилась:

– Ах-ти мне, горе какое! Ведь и ко мне вечер странники эти стучались. Прогнала я их, матушка, сама прогнала, голубушка. Кто ж их, разбойников, знал. Деньги-то в суме не светят.

Отсчитала она соседке яичек десятка два, что помельче, сметанки отлила, что пожиже, да и говорит:

– Кумушка, голубушка, что ж тебе на них, иродов, разо-

ряться! Вчера кормила и нынче кормить будешь? Дай-кось я их к себе покличу. Люди, видать, святые – от них и в дому светлее, и в мошне полнее.

Накинула платок на плечи – и к бедной соседке.

Стала на пороге – кланяется:

– Странички, люди божьи! Не погневайтесь! Милости прошу к нашему шалашу. Откушайте нашего хлеба-соли, ради Петрова дня.

Поклонились ей в ответ странники, с хозяйкой попросились и пошли.

Привела их Акимовна в свои хоромы, за стол усадила. Сама ног не чует, вокруг стола так и летает. Что есть в печи – на стол мечи! Двенадцать перемен подала: три каши, блины, пироги, рыбное, студень, лапша... А уж щи-то, щи! Эдаких щей и царь не едал, – со свиной, с салом, и такие-то жирные, что будто ледком их подернуло.

Ест апостол Петр, похваливает.

– Вот это, – говорит, – полдник! Не чета вчерашнему ужину.

– Неспорно, – Господь отвечает, – вчерашнему не чета!

А сам, почитай, и не ест. Так только – попробовал.

Ну вот, погостили они у этой хозяйки, помолились, поклонились, – идти хотят.

А хозяйка на суму поглядывает.

– А что ж, – говорит, – благодетели! Милостивцы! Неужто ж вы меня не одарите? Уж так я вам угождала, так старала-

ся...

– Отчего не одарить? Петр, сосчитай, сколько во щах глазков плавает?

Поглядел в миску Петр-апостол.

– Ох, – говорит, – щи! Жирней жирного! Тут и считать не мудрено: одно око на всю миску, да зато – во всю миску.

– Ладно, – говорит Господь.

Опустил он руку в суму, достает монету. Одну монету, да зато большую, тяжелую – медную!

– Вот, – говорит, – хозяйюшка! Прими! Какое угощенье – такая и плата.

И пошел себе. Апостол Петр за ним.

А хозяйка как стояла на пороге, так и осталась стоять. Может, и посейчас стоит.

Вот идут Господь с апостолом по дороге. Качает головой апостол, под ноги себе смотрит, думает.

– А что, – говорит, – Господи, спросить я тебя хочу.

– Спроси, Петр.

– Да вот не возьму я в толк: как это так? Вчерашняя-то похлебка дрянь была, а мы за нее сто золотых отдали. А сегодняшние щи, прямо сказать, – золото, а мы за них один медяк пожертвовали. Справедливость-то господня где? Гляжу, а не вижу.

Вздохнул Господь:

– Эх, Петр, Петр, туда ли смотришь? Поверху ты глядишь, а поверху, известно, один жир плавает. Ты поглубже, поглуб-

же зачерпни – со дна.

– А что на дне-то? Капуста?

– Нет, другого огорода овощь! Да что ж ты? Апостол! Капусту разглядел, а душу человечью не приметил. Сам-то попусти. Похлебка вчерашняя – дрянь, говоришь? Ну, верно, дрянь – похлебка, да зато баба – золото. А сегодняшние щи – золото, да баба – дрянь. Уразумел?

Ничего не ответил Петр-апостол. Сумный идет, раздумчивый.

– Ты чего? – спрашивает Господь. – Какая у тебя печаль?

– Да что, – отвечает апостол, – хожу я по стопам твоим с младых ногтей и о законе твоём размышляю день и ночь, а мудрости твоей никак не постигну. Хоть бы мне денек один – от восходу до заката – в твоём звании побыть. Может, и я бы, скудоумный, умудрился.

Усмехнулся Господь.

– Будь, – говорит, – по-твоему. Нынче ты именинник – надо тебя почтить. Господствуй, пока солнышко на покой не уйдет. Милуй, карай, молитвы принимай. С чего начинать станешь?

– В церкву пойду, – апостол говорит. – Молитвы принимать.

– Ладно, пойдем.

Пошли они. Идут лугом. А на лугу гусей! гусей! – как снег выпал. Травы не видать. И стережет гусей баба.

Приметила она странников и кричит:

– Страннички, а страннички! Вы не в церкву ли?

– В церкву.

– Погодите, и я с вами. Петру-апостолу свечку поставить.

Погладил апостол бороду.

– Похвально, тетка, – говорит, – пойдём. Только гуси-то твои как? На кого оставишь? Кто их без тебя беречь будет?

А баба не сомневается.

– Пусть, – говорит, – Господь бережет. Он всевидящий, доглядит.

Тот так и стал. А Господь эдак тихонько, под самое ухо, говорит ему:

– Ну, брат, не постыди упования.

Что тут будешь делать? Сел Петр-апостол на пенек и весь денек – до заката солнечного – гусиную обедню слушал. А как солнышко на покой ушло, воротилась баба.

– Слава тебе, Господи, – говорит, – целы мои гуси!

Встал апостол, размял ноги и говорит ей строго:

– Ты, баба, вот что: ты на Бога-то уповай, да и сама не зевай. Мыслимое ли дело, чтобы Господь за тебя гусей стерег. Ныне ты его в гусятнике поставишь, а завтра куды? К печке? Щи варить? Ой, баба! Смотри у меня!

И пошел себе. А Господь уже при дороге стоит. Ждет.

– Ну что, Петр, – спрашивает, – умудрился?

– Да вишь, как оно обернулось, Господи, – Петр отвечает. – Большую власть ты мне дал, да на малые дела.

– А Богу и малое не малó, и великое – не великó.

– Темны слова твои, Господи.

– А ты вникай. Слова темны, да мысли светлы.

И пошли дальше. Господь – впереди, апостол – позади, как полагается. А на селе праздник, пьют, гуляют... Там – на гармонии играют, там – песни поют.

Вот остановился Господь под окошечком и слушает.

А в доме поют, да так славно, – и про дороженьку, и про березыньку, и как дэвица мблодца полюбила...

Опустил голову Господь, внемлет. И апостол рядом стоит, тоже слушает.

Про березыньку послушал и про дороженьку послушал, а как запели про дэвицу да про мблодца – дале пошел. Уж больно песня-то мирская.

Пошел, пошел, оглянулся, а Господь все под окошечком стоит.

Он до угла дошел и снова назад поглядел. Стоит Господь под окошечком – песню слушает.

– Да что же это, Господи? Уж и ночь на дворе, а нам ведь далеко...

Вздыхнул Господь:

– Ладно, ладно, пойдем. В рай, видно, захотелось? Не настоялся у ворот!

Пошли.

А Петру-апостолу уж и стыдно стало, что он Господа поторопил.

«В кои-то веки, – думает, – он, милостивец, не для чужой

беды, – для своего умиления в пути помедлил. А я ему и минутки лишней не подарил. Хоть назад ворочайся!»

Да нет, зачем назад?

Вон в другом доме тоже поют, да не песни – молитвы.

Обрадовался апостол.

– Господи, – говорит, – вот где пенье-то! Постоим, послушаем?

Остановился Господь, прислушался, головой покачал и пошел себе далее. Апостол – за ним.

– Господи, – говорит, – просвети ты меня, сделай божецкую милость!

– Ну чего тебе, говори!

– Да как же это так? Там мирское пели, а ты цельный час под окошком простоял, а здесь духовный стих выводят, а ты и минутки не помедлил. Не возьму я в толк...

– Эх, Петр, Петр! Там мирские поют, да хорошо. А здесь – духовное, да плохо. Неужто невдомек?

Апостол только руками развел.

Вот она – премудрость-то божья!

Проще простого, а поди-ка, уразумей.

Змеиный язык

Рассейские люди спокон веку по работам ходят. Бывает, что и до самых границ дойдут, а то и подальше.

Вот один мужик пошел, пошел себе да и зашел к черкесской границе. А там его черкесы поймали и продали на морские острова, к песьеглавцам, – вот что людей-то едят. Ну, что касаемо голов, так, говорят, – байки. Головы-то у них, как у всех прочих, зато нрав чисто собачий. За нрав-то их

песьеглавцами и прозвали.

Ну, купил этого мужика один тамошний хозяин и определил на конюшню, к лошадям. У него как раз тройка была – кобыла и два мерина. И ходил за ними допреж того тоже русский один, купленный человек. Три года ходил, а после зарезал его хозяин, а себе нового достал. «Пусть, – думает, – лошадок покормит да подкормится малость, а после и сам на корм пойдет».

А русский, хоть и знает, что ждет его беда, да делать ему нечего: не убежишь, не спрячешься! Живет помаленьку.

Вот как-то раз поехал с ним хозяин в лес. Приехали, выпрягли лошадей, и показывает ему старик место под большим деревом. Копай, мол, тут яму!

Что ж, рыть – так рыть! Вырыл он яму широченную, глубоченную, ну, чисто могилу, а хозяин спрятал в ту яму эдакую машину булатную, навел ее и говорит:

– Ну, русский, полезем на дерево!

Влезли. Достает хозяин из кармана дудочку и начинает тонехонько, тихохонько высвистывать.

И вот, видят, ползет к ним змей, как говорится, пблос, да такой огромный, ядовитый, что трава под ним горит. Наполз он на эту яму, где они машину-то схоронили, и тут хозяин как дернет за веревочку! Стукнули булатные ножи, и пересекло змея надвое.

Хозяин сейчас с дерева долой, велит русскому рубить змея на части. Тот перерубил. Хозяин каждый кусок пере-

мыл и склал в кадку для ветчины (там это не в диковинку, что змея солят. Народ такой – и собак, и кошек ест, и змеевиной не брезгует). А один кусок дал русскому и сказал варить.

Русский взял, положил этот кусок в котел, налил воды – закипела вода, как на огне. Хозяин говорит русскому: «Слей на зелье». Он вылил воду на траву, трава аж до земли выгорела. Такой, стало быть, в той воде яд был.

А песьеглавец опять приказывает: «Наливай другую воду!» И та вода закипела.

«Выливай!» – Вылил. Смотрит – на этот раз трава пожелтела, высохла, но не сгорела.

– Ну, наливай третью воду, сыпь крупу, да вари кашу!

Ему что? Человек подневольный – сварил.

– Снимай котелок! Подавай!

Он подал.

Взял хозяин ложку и давай эту кашу уплетать, солью и то не посолил.

Убрал весь котелок, остались в котле одни пригарки. Он и говорит русскому:

– Возьми, русский, вымой котел и чисто выскобли. Только смотри – крупинки не съешь! А как поешь – так и знай, – умрешь. Вам, русским, это не годится.

Русский говорит:

– Да у нас в Рассее этого и не видано, а не то что есть. В рот не возьму...

Достал хозяин войлок, подушку, положил под дубом и лег

отдыхать. А русский пошел к воде котел мыть. Идет и думает: «Смерти не миновать. Как того зарезал, так и меня зарежет. Дай попробую!»

По русскому образованию перекрестился и давай эти пригарки убирать. Отскоблит корочку – и в рот, отскоблит – и в рот.

Дочиста все съел, и мыть не надо стало.

И только он последнюю корочку прибрал, смотрит – что такое? Стало ему все понятно, все разговоры, что звери, птицы, скоты всякого звания промеж себя ведут. Как есть все уразумел. Засмеялся он. «Вот, – думает, – какая хитрость! Вам, русским, это не годится! Ишь ты! Ну, теперь мне главное дело, чтобы хозяин про это не прознал!»

Вымыл он скорее котел, отнес на место и поставил под повозку, а сам сел на пенек, про свою судьбу думает.

Вдруг и слышит, – говорит кобыла сыну своему мерину: – Что это хозяин долго спит? Ведь нам ехать далеко.

А хозяин сразу и проснулся.

– Да, – говорит, – пора! Русский, давай лошадей, поедем!

Русский привел лошадей. Запрягли. Кадку с этим мясом змеиным на повозку поставили. Сели себе и поехали ко двору.

Под вечер добрались до места. Русский сейчас лошадок отпрег, прибрал их, корму задал.

Уж и спать давно пора, а он все ходит возле них, холит, чистит. Ему с лошадами-то хорошо: лошади и здесь будто

свои, будто русские... Никакой разницы нет.

И вдруг опять слышит он, – говорит меньшóй мерин старшóму:

– Вот попадаются нам хорошие люди, да недолго живут. Тот, – говорит, – за нами хорошо ходил (это которого зарезали-то), а нынешний еще лучше ходит – и покоит, и жалеет!..

А старшóй присунулся к нему и говорит, будто на ухо шепчет:

– Как он ни старайся, как ни служи, а заслуга та же будет. Зарежут словно барана.

А русский стоит себе и слушает, как меренья разговаривают.

Вот старшóй опять говорит:

– Кончится этот месяц, и созовет к себе хозяин гостей. Праздник у них будет. Тут нашему конюху и конец, как тому было. Небось помнишь?

А меньшóй опять:

– Знал бы это русский да сел бы на меня, я б его на ихнюю границу вывез! Жалко мне парня.

Старшой мерин мотнул головой и говорит:

– Нет, ты не вывезешь! А вот я вывезу, коли он на меня сядет.

Тут мать ихняя, соловая кобыла, как топнет копытом, аж-но искры полетели:

– Зря хвалитесь! На кого он ни садись, вы оба пропадете и его погубите. Нагонит вас хозяин и в куски изрубит. Вот если

б он знал да на меня сел, я бы его вывезла. А ваш разговор пустой.

Пошел русский из конюшни. Идет, а сам думает:

– Ну, погляжу, если и вправду ихние слова сбудутся, и хозяин на тот месяц гостей созовет, сяду я на кобылу и попробую – не вывезет ли?

Вот и кончается месяц. По дому суета пошла, то, другое стряпают – пекут, солят, пиво варят – значит, ждут гостей.

И вправду стали гости съезжаться. Только одного какого-то нет, не приехал.

Хозяин и говорит русскому:

– Заложу мне одну лошадь, я сам за ним поеду.

Ну, русский-то и рад – заложил меньшого мерина, проводил хозяина со двора, а сам скорей в конюшню, оседлал кобылу да и поскакал на свою сторону.

Немного времени прошло, воротился хозяин домой. Только он во двор, а старшóй мерин и говорит меньшому:

– А матушка-то наша убежала и русского увезла!

Хозяин сейчас в конюшню, оседлал свежую лошадь и погнал в догон за ними.

Услышала кобыла топ и говорит русскому:

– Ну, смотри, русский, держись крепче. Да не трогай меня за повод. Я сама все знаю. И не бойся ничего – ни горы, ни воды. Вывезу!

Вот подъезжают они к реке Кубани, и тут нагоняет их хозяин.

Русский говорит:

– Ну, пропали мы! Обоим нам живыми не быть.

А кобыла подскакала к реке да и бросилась со всех ног прямо в воду.

Она на ту сторону выплывает, а хозяин к этому берегу подъезжает.

Закричал он по-своему и тоже в реку!

Плывет, плывет, а кобыла уже берегом против воды гонит.

Только хозяин на землю ступил, она опять в воду и на свою сторону гребет. Догребла, оглянулась назад, а хозяин с этого берега снова за нею. Его вода вниз сносит, а она вверх по реке бежит.

Добрался хозяин до берега и вышел из воды, а она опять в воду – в третий раз. Выплыла на русскую сторону и говорит:

– Ну, теперь, русский, он нас не догонит. Живы будем. Только ты берегись – назад не оглядывайся и ничего не говори, а пуще всего не говори слова «чернобыл-травя». Скажешь – всю свою премудрость позабудешь.

А хозяин уж видит, что не догнать ему русского. Стоит на своем берегу и кричит:

– Русский! Русский! Я тебя поил, кормил, а ты мою лошадь угнал! Отдай хоть лошадь! Я тебе за нее чернобыл-травы дам. Богатый станешь, счастливый станешь! Только скажи: дай мне чернобыл-травы. Ну, скажи!

А русский уж знает: и слова не сказал, и назад не поглядел. Поскакал дальше.

Увезла его кобыла за русскую границу и говорит ему:

– Ну, теперь слезай с меня и все чисто снимай – седло, уздечку – все! Я больше к хозяину не пойду: мне у него живой не быть. Только смотри, русский, никому не сказывай, что ты теперь знаешь. А как скажешь, и часу не проживешь, помрешь сразу. Слышишь? Я тебе добра хочу – зря говорить не стану.

Сказала и пошла вольным ходом в заповедные луга, а русский своей дорогой идет.

Идет он, глядит по сторонам и радуется: Рассея кругом! И горки и пригорки, и леса и перелески, и луга и поля – все, как есть – Рассея. Землей сыт, ветерком пьян. Хорошо! А дорожка-то вьется, вьется и привела его к большому озеру. Славное озеро – продовольствие для диких птиц! Шагает он бережком и видит: летит великое стадо гусей. Он голову закинул, смотрит, а задние гуси вдруг и зашумели переднему:

– Давайте на этом озере садиться, тут и пространно и сытно.

А передний кричит:

– Нет, дальше полетим! Тут хоть и сытно, а тратно, много бьют!

Полетели они дальше, а мужик низом идет. Дошел до лесу, видит: на краю леса преогромный дуб стоит. Гуси и закричали:

– Давайте на этом дубе садиться!

А передний им отвечает:

– Что вы! Нельзя! Вот черная туча заходит. Ударит она грозой в этот самый дуб и разобьет его от вершины до корня.

И полетели гуси дальше. А русский стоит, смотрит на дерево и удивляется.

«Ишь, – думает, – экая деревина! Верхушки не видать. Сучья такие густые, что и дождь не пробьет, – и пропадать ему!»

И тут подъезжает к лесу помещик на паре коней. Поглядел по сторонам, где бы ему от дождя укрыться, и приказывает кучеру:

– Подъезжай под этот дуб, покуда туча не пройдет!

Мужик услышал, подошел к нему и говорит:

– Нет, сударь, не извольте тут становиться!

– Почему же?

– Потому что гром в этот дуб ударит и вас заодно побьет.

Рассердился помещик:

– Ты что за пророк?

– Пророк не пророк, а говорю, что знаю. Прошу покорно, отъезжайте!

Помещик приказал кучеру отъехать и остановиться в недалеком расстоянии.

– Ну, – говорит, – погляжу, что ты знаешь, чего не знаешь! Коли это ты меня зря под дождем держишь, шкуру спущу!

И вот ударил гром. Да ведь куда! В самую верхушку этого дуба старого.

Ударил и разбил его до корня – в мелкие щепки.

Как увидел это помещик, отворил дверцу кареты и сажает мужика рядом с собой на подушку.

– Ну, брат, – говорит, – приедем домой, я тебя деньгами награжу и тройку лошадей дам со всем убором. Верное слово!

Кто же от своего счастья отказываться станет? Кланяется мужик.

– Покорно, – говорит, – благодарю!

А с помещиком в карете сидели собачки маленькие. Сидят они, в окошко смотрят и вдруг залаяли:

– Наши! Наши!

Мужик выглянул в окно – видит: бегут по дороге большие дворовые собаки. Это они хозяина встречать выбегли.

Маленькие им и тявкают:

– А с нами так и так случилось... Вот тут подле нашего барина мужик сидит, он нас всех от беды отвел.

А дворовые собаки отвечают:

– От дорожной беды отвел, а домашняя беда за порогом ждет.

– Кака-така беда?

– Да деньги у нас украли – сорок тысяч, и со шкатулкой. Шкатулка-то и сейчас в конюшне стоит, под доской... а никому невдомек.

– А вы-то на что? – собачки тявкают. – Чего смотрели? Что вора не хватали?

– Да воры-то свои – лакей и конюх. А своих кто же хватать

будет. Они нас кормят.

Услыхал это мужик и говорит помещику:

– Сударь, у вас дома беда. Воры деньги украли.

– Что ты бредишь?

– Какой бред! Сами увидите! Да вы не извольте беспокоиться. Один украдет, другой найдет. Не будете в накладе.

Приказывает помещик кучеру гнать лошадей во весь скок.

Прискакали, прикатили – смотрят: так и есть! В доме переполох, барыня плачет, люди туды-сюды бегают, – а все без толку.

Помещик и говорит мужику:

– Ну, брат, твоя правда! Отыщи ты мне шкатулку, уж сделай такую милость. Отыщешь – по-царски награжу.

Раздумался мужик: отыскать-то немудрено, да лакея с конюхом будет жалко. Что ж на радостях-то людей губить?

Он и говорит:

– Вот что, сударь, предоставлю я вам ваши денежки, только повремените малость. Далеко сейчас ваша шкатулка.

– А как далеко?

– Да вот останусь здесь ночевать, так поутру будет у вас.

А раньше – ни-ни!

– Ладно!

Ушел барин к себе, а мужик прямо в людскую. Подзывает к себе лакея и конюха:

– Ну, – говорит, – братцы!..

Они сразу в ноги:

– Помилуйте! Не выдавайте!

– Не бойтесь, не выдам! Все ли только деньги?

– Все, покамест.

– Ну, подите на конюшню, принесите.

Они даже охнули, поглядели друг на друга: «Все, дескать, знает!» Пошли и принесли.

Мужик берет у них шкатулку, вынимает сто рублей: «нате, мол, погуляйте», – и опять в дом.

Попутру встает барин.

– Где мужик?

– Здесь. Дождается.

– Позвать его сюда.

Мужичок приходит, приносит шкатулку с деньгами.

– Ну, друг мой, это услуга так услуга! А что, не покажешь ли ты мне вора?

– Нет, сударь, эти воры далеко. Они шкатулку вашу в овраге спрятали, а сами опять в работу пошли.

– Ладно, не велика беда! Главное дело – деньги нашлись. Ну, мне с тобой рассчитываться. Перво-наперво выбирай тройку самых лучших лошадей, упряжь и карету.

– Что вы, сударь, на что ж мне такое богатство! Мне бы хоть какую тройку да простую бричку!

– Твое дело! – говорит помещик и призывает к себе шесть кучеров.

– Выбирай любого!

– А какой вызовется, тот и хорош будет.

Вызвался один. Мужик говорит:

– Пожалуйте ему, сударь, вольную, потому что я его в работу посылать буду.

Помещик сейчас написал ему вольную, отдает бумагу мужику, а кучеру приказывает:

– Смотри, служи ему, как мне служил. Ступай, заложи тройку соловых и такую-то бричку. – Потом вынимает денег тысяч десять, а то и побольше, и говорит мужику: – Держи! Твое!

Мужик поклонился помещику, а помещик мужику кланяется.

Попрощались они, и съехал мужик со двора.

Едут, едут путем-дорогою, мужик и говорит кучеру:

– Остановись, кучер!

Тот придержал лошадей.

– Ну, – говорит ему мужик, – вот тебе, братец, вольная, а вот денег для начала и ступай, куда тебе надобно. Я сам себе хозяин, сам себе кучер, и ты так живи.

Обрадовался кучер, поклонился мужику в пояс и пошел свое счастье искать, а мужик дальше поехал, к себе на деревню.

Вот приезжает он домой. Народ к нему бежит, шумит... Шутка сказать, три года человек пропадал!

Позвали его и к помещику. Тот спрашивает: как да что? А мужик все рассказывает: был в таких-то краях, всякого натерпелся, а потом вот убег и счастливо в Рассею при-

был.

Помещик говорит:

– Ну, ступай домой, отдыхай после такого страдания.

Пошел мужик к себе на двор, с хозяйкой поздоровался, лошадок убрал и зажил с того дня не хуже барина.

Что ж? денег много, лошадки хорошие – всякий проживет.

А жена смотрит, смотрит, и не понять ей – уходил муженек из дому, только и было, что топор за поясом да лапти на ногах, а приехал на тройке и с деньгами... И так-то она дивится, что и ночью ей не спится. Терпела, терпела да и спрашивает:

– Скажи ты мне, голубчик, где был, пропадал?

– А я, – муж говорит, – был в таких-то местах, на морских островах.

– Далеко ли?

– Отсюда не видать.

– А где ж ты эдакое богатство взял?

– Да так, счастье мне мое послужило.

– Ой, муженек, ты, видно, клад нашел... Скажи мне правду истинную. Не таись! Только скоты бессловесные молчат...

– Не велено мне говорить.

– Своей жене, да не велено! Нет уж, ты сделай милость, скажи.

– Отвяжись, жена! Что знал, сказал. А боле ничего не ска-

жу.

Рассердилась жена:

– Врешь, врешь, старый дурак, скажешь! Скажешь! А коли не хочешь говорить, я к барину побегу и сама скажу, что ты по разбоям ходил да тринадцать душ загубил! Во хмелю, скажу, батюшка, признался.

Тесно стало мужику.

– Слышь, жена, – говорит, – коли я тебе скажу, так смертью помру.

– И-и, миленький, хоть помри, да скажи.

Что станешь с бабой делать?

– Ну, давай белую рубаху, – говорит муж.

Надел белую рубаху, лег в переднем углу под образа, приготовился помирать.

А хозяйка в головах стоит, свечку держит.

– Ну, милоч? – спрашивает. – Ну?

Он уж совсем было собрался рассказать своей хозяйке всю правду истинную, да на ту пору забежали в избу три курочки, а за ними петушок – масляна головушка, шелкова бородушка. И давай этот петушок хохлаточек своих гвоздить. Гвоздит, а сам приговаривает:

– Вот вам! Вот вам! Вот вам! Дураку и с одной женой не управиться, а у меня тридцать, да я всем порядок дам!

Услышал эти слова мужик, вскочил с лавки да за плетку.

– Вот тебе, – говорит, – жена, правда! Вот тебе, – говорит, – истинная.

Присмирела она.

– Прости, – говорит, – муженек! Прости, не гневайся!

И такая с той поры стала добрая да ласковая, все завидуют.

Волшебное зеркало

В одной деревне жил крестьянин со своей хозяйкой. И был у них сын-малолеток.

Никуда они его не посылали. Все берегли.

«Что, мол, без пользы лапти-то трепать! Ушибешься, простынешь... Посиди-ка лучше на печи!»

Вот он и привык. У добрых людей стали ребята в лес по дрова ездить, а этот дома и дома, с кошкой да с собакой играет, учит их на задних лапках ходить и поноску носить.

Один раз старуха и говорит старику:

– Надо нам Ваню приучать. У людей ребята все при деле, и туда, и сюда, а наш как в землю врос. Ваня! Бери топорок, съезди в лесок, хоть лучинок привезешь.

Ваня напихал в мешок сена, запряг лошадь, взял топор, сел и поехал.

Приезжает он в лес, ставит лошадку. Отдал ей сено, а сам топор в руку – и пошел лучину искать.

Ходит-ходит, все дерево не приберет. Вдруг видит: сосна стоит, голая, высокая, вершины не разглядишь. Он и давай эту сосну рубить. Ссек старую, она и повалилась. А в верхушке у нее как зашумит! Будто что живое хлопается.

Он подошел, ветки разобрал. Видит – птица!

И говорит птица человеческим голосом:

– Положь топор, не бей меня, а я тебе за это заплачу, садись на меня, – увидишь, что будет.

Ваня топор положил, подошел к птице, сел на нее. А птица

как взмахнет крыльями – и поднялась выше лесу. Полетела, полетела, и понесла Ваню неизвестно куда.

И увидел Ваня край моря, а на краю моря – большой камень и большая луговина, и такое красивое, вольное место, что лучше, кажись, и не бывает.

Он и говорит сам себе:

– Эх, кабы деньги были, переехал бы я на это место жить.

А тут птица и пошла на низ. Ниже, ниже – и опустилась на землю.

Слез Ваня с птицы. Она крыльями взмахнула, в землю ударилась и стала птица – не птица, а такой же молодец, как и Ванюшка, – только на голове не волоса, а перья растут.

– Ну, Вань, – парень этот говорит, – теперь слушай, что я тебе скажу. Поведу я тебя к себе домой, выйдет навстречу старый старик и станет строго спрашивать, кто ты такой есть и зачем в наши края прибыл. Ты молчи, а я сам скажу, что ты меня от лютой смерти спас. Станет он тебя угощать, станет серебром-золотом дарить. Ты ешь и пей, сколько душа примет, а серебра и золота не бери: скажи, что у тебя и своего много. Проси у него одно только зеркало.

Как он сказал, так все и стало. Вышел к ним старик, гроза грозой. А как услышал, что за гость пожаловал, – раздобрился. В горницу повел, стал угощать.

И прожил у него Ваня трое суток. А как собрался он уходить, стал его старик награждать серебром да золотом.

А Ваня не берет.

– Нет, – говорит, – дедушка, этого добра у нас и своего много.

– Так чего ж тебе надоть?

А Ваня говорит:

– Отдай ты мне зеркало, дед. Зеркало хочу.

Посмотрел на него старик.

– Ладно, – говорит. – Бери. Только сперва сослужи ты мне службу.

– Какую, дедушка?

– А вот есть у меня колесо. Обернись раз на колесе – отдам тебе зеркало.

– Что ж, пойдем! Сослужу тебе эту службу.

Пошли. Повел его старик в погреб, показал колесо, а сам наверх ушел.

Смотрит Ваня: вертится колесо – спица красная, спица черная, спица красная, спица черная... В глазах рябит.

Приловчился он – и скок на красные спицы! Обернулся разок и пошел из погреба наверх.

Глядь, а перед погребом старик лежит, будто неживой.

– Это что такое с им подеялось?

А тот парень ему говорит:

– Это смерть его. Кабы ты не на красные, а на черные спицы вскочил, так ты бы теперь мертвый был. Такое уж колесо – «жисть» называется. Ну, бери свое зеркало. Отнесу тебя, откуда взял.

Ударился он в землю и обернулся птицей. Не успел Ваня

и оглянуться – опять в лесу стоит, возле лошадки своей. Лошадка как была, так и есть – сено кончает.

– Ну, братец, прощай. Боле не увидимся.

Улетела птица, а Ваня сушняку нарубил, увязал воз и поехал домой.

Вот едет он, едет, и раздумался:

– И пошто я это зеркало взял? Другому на беду, да и себе-то, может, не на радость... Ах ты, зеркало, зеркало!..

А зеркало вдруг и отвечает:

– Чего тебе, Ваня, надо?

– Надо чего? А набей ты мне полный мешок денег, вместо сена! Вот чего надо.

Только сказал, смотрит, так и есть! Полон мешок денег.

Вот приезжает Ваня домой. Глядит по сторонам – что такое? Улица будто та, а люди не такие. Прежних ребят никого не узнает.

И люди на него дивятся, один другому кричит:

– Эвона! Ванька Дедин едет! Пропадал, пропадал да и объявился.

Завернул он к себе на двор, распряг лошадку. Мешок с деньгами в избу занес. А мешок-то тяжеленный. Как свалил он его с плеч, так и брякнуло.

Мать и давай Ваню ругать:

– Да где ты, плут, был? Откуда денег столько привез? Небось подорожничал? Три года дома не бывал, отца уморил... Теперь и мать родную уморить хочешь? Сейчас в

правление пойду – старшине заявлю.

Ваня и рта раскрыть не успел, а уж она дверью стук-хлоп и ушла.

Он сидит, в окошко смотрит. Видит – идут! Старшина, сотский, понятые...

Что делать? Достал он свое зеркало, погляделся в него и говорит:

– Зеркало, зеркало! Обирай деньги и наложи полный мешок клюквы!

Только сказал, заходит в избу старшина, за ним – сотский, за ним – понятые.

– Ты где, – спрашивают, – пропал? Где денег взял эдакую прорву? Мать заявляет, что ты полный мешок привез.

А Ваня им:

– Да я и сам не знаю, где ездил-то. Вот мешок клюквы насобирали.

Схватились они за мешок. И вправду – клюква!

Они к хозяйке:

– Ах ты, старый черт! Наклюкалась с клюквы, что ли? Начальство зря беспокоишь.

И ушли все.

А Ваня говорит:

– Ну, матушка, видно, нам с тобой не житье.

Взял он свое ружье и вышел на крылечко. А кошка с собакой – за ним. Узнали хозяина, в глаза ему глядят. Кошка у ног трется, собака о землю хвостом стучит – обрадовались.

Вот он их погладил, потрепал и вынул свое зеркальце.

– Ах, зеркало, зеркало! Перенеси ты меня с кошкой и собакой на край света, – где большой камень лежит, где море шумит!

Отвечает ему зеркало:

– Закрой глаза.

Он глаза закрыл. А как снова открыл, так и увидел: стоит он на том самом берегу морском, на привольном месте, под большим камнем... И кошка при нем, и собака.

– Ах, зеркало, зеркало, построй ты мне на этом бережку домик-теремок, – чтобы крыша золотая, чтобы лесенка витая!

И поднялся на берегу дом – не дом, дворец не дворец, а лучше дворца.

Определился Ваня в этом дому жить. И кошка при нем, и собака. Вместе на охоту ходят, вместе за столом сидят – кашу едят, вместе у печки греются. Хорошо, только скучно.

И вот от скуки или еще от чего приснился Ване сон. Приснилась ему царевна, японского царя дочка. И до того эта царевна ему показалась, что хоть и не просыпайся совсем.

Цельный день он по лесу зря ходил – зайцев смешил, а вечером, как воротился с охоты, так и схватился за зеркало.

– Ах, зеркало, зеркало! Принеси ты мне на эту ночь японского царя дочку!

Смотрит, – она уж тут как тут, будто в комнате сидела. А где была, там нету...

Утром хватились царевны в японском царстве. Ищут во дворце, ищут в городе, ищут по всему государству... Нет ее нигде – будто в воду канула.

Рассердился царь. По всем странам послов разослал.

– Найти, – говорит, – живую или мертвую!

Объехали послы все царства, все государства. Живые живут, мертвые в могилах лежат – нет нигде японской царевны. Ни с чем воротились послы.

А поблиз царского дворца жила одна знахарка. Хитрая была баба – хитрей черта. Посмотрела она в свою книгу, раскинула карты и пошла к японскому царю.

– Я, – говорит, – могу твою дочку разыскать, только дайте мне, что я потребую.

– Говори, чего тебе надобно.

– А вот чего: постройте корабль, чтобы против ветру ходил, как пó ветру, дайте матросов сотни три и капитана-молдца. Надо нам на край света плыть!

Сегодня сказала, а завтра уж все и готово.

Взошла знахарка на корабль и велела к тому берегу править, где Ванин дом стоит.

Приплыли. Вышла она на берег, стучит в ворота, просится ночевать.

Пустила ее царевна японская и спрашивает:

– А ты, старушка, куда идешь?

– Я, – говорит, – проходам. Богомолка я, – говорит. – Богу молиться иду. А тебе, красавица, не скучно ли тут? Кто у

тебя в дому есть?

– У меня один муж.

– А где ж он сейчас?

– Да он каждый день на охоту ходит.

– А как уходит, он ничего не говорит?

– Нет, он всякий раз в зеркало поглядится и примолвит:

«Зеркало, зеркало, дай нам хорошей охоты».

– А нельзя ли это зеркало посмотреть?

– Да оно у него под ключом.

– А ты выпроси ключи. Коли он тебя любит, он даст.

– Ладно, попрошу.

Вечером приходит Ваня с охоты.

– Это что за человек? – спрашивает.

Царевна объясняет: так и так – богомолка, Богу идет молиться. Ну, Ваня больше ничего и не спросил, пошел спать. А утром опять берет ружье, кошку с собакой – собирается на охоту.

Только ушел, знахарка спрашивает:

– Не оставил ключей?

– Нет. Да я сейчас за ним сбегаяю, попрошу.

– Сбегай, милая, сбегай!

Она побежала, догнала его и просит:

– Ах, Ваня, оставь от шкапа ключи!

Вынул Ваня ключи, подает ей:

– Бери, коли надобны.

Приносит царевна ключи домой. Знахарка сейчас взяла

их и отпирает шкаф.

Достала зеркальце, а зеркальце ажно помутилось все, дрожит, звенит... Протерла его знахарка рукавом, поглядела в стекло и говорит:

– Зеркало! Обери этот дом, очисти площадь и перенеси на корабль все как есть – живое и неживое!

Подхватило дом с царевной и будто ветром сдуло. Снесло с площади и шлеп на корабль!

А Ваня на ту пору недалеко был. Увидел он с пригорка беду свою – и скорей бежать. Добежал до берега, прыгнул в воду и доплыл до корабля. Влез на палубу потихоньку, да и схоронился под шлюпкой. И кошка при нем, и собака – тоже приплыли и притаились.

А как отвалил корабль в море, вышел Ваня с-под лодки и сказался капитану.

Капитан спрашивает:

– Какой ты человек?

– Так и так, – Ваня отвечает. – Нечаянно попал.

– А работать ты что можешь?

– Все могу работать, что прикажете.

– А суп мне приготовить можешь? А то повар нам попался плохой. Кок – не кок, а хоть вилы в бок.

– Дай крупы, да мяса, да маслица побольше, – дак сварю.

– Ну, смотри же! Как я потребую, чтобы все мне было готово.

Час, другой прошел, капитан и говорит:

– Что, брат, готово у тебя?

– Готово.

Попробовал капитан суп – и диву дался: не то что едал, а и не слышал про эдакий суп, – и горячо-то, и густо, и с наваром. Цельную миску съел да еще попросил. Другим не осталось.

Так Ваня ему и готовил суп, покуда они в царство японское не приехали.

А как прибыли они в японское царство да представили царевну во дворец – царь им пир задал. И знахарку позвал, и капитана, и всех матросов. Подали вина, угощенья всякого.

Капитан и говорит:

– А вот у меня на корабле повар был, суп варил – словами не сказать, только надо похлебать. Не слыхано такого супу.

Царь сейчас приказывает этого повара позвать. Позвали Ваню. Пришел он, кланяется.

Царь спрашивает:

– Можешь ты мне супу приготовить?

– Могу.

– Только чтобы было у меня готово, чуть я потребую!

– Будет!

Сварил ему Ваня суп. Подает. Царь попробовал и говорит:

– Оставайся у меня в поварах. Я не то что едал, а и не слышал про эдакий суп – а ведь я царь...

Остался Ваня у него в поварах. И кошка при нем, и собака. Живут трое. Ваня суп варит, а сам смотрит да слушает – не скажут ли чего про царевну японскую.

И услышал, наконец, что сидит она, победная головушка, в башне высокой, за семью дверями крепкими, за семью замками железными. Сторожат башню семь сторожей и никого не пропускают, окромя девушек-служаночек. Это, – люди говорят, – знахарка царя надоумила, а самому бы ему невдогад.

Стал Ваня мимо этой башни похаживать, стал на эту башню поглядывать. А сквозь решетки царевна смотрит, – что там внизу делается. Смотрела она, смотрела да и разглядела своего Ванюшку.

Сейчас написала письмецо, набила кошелек золотом да и бросила ему в окошко.

Поднял Ваня находку. Деньги пересчитал, письмо прочитал. А было в том письмеце написано:

«Найми на эти деньги людей и проведи под башню подземный ход. Будешь этой дорогой ко мне ходить».

Он так и сделал. Прорыл под башню подземный ход и стал к царевне ходить каждую ночь.

Вот как-то ночью не спалось им, не дремалось. Они утром-то и проспали.

Пришли в башню служаночки прибираться-подметать, видят: вор в ихнее царство забрался, на постели спит. Позвали они стражу да и захватили его сонного.

Докладывают царю:

«Так и так, ваше царское величество! Хоть и высокая у вас башня, а не помогло...»

Рассердился царь, ажно взбесился. Приказал Ваню накрепко связать и бросить в глубокий ров.

– Пусть, – говорит, – он, вор, там и помирает. Стряпал, стряпал да и настряпал!

Взяли Ванюшку, связали, повезли в дремучий лес, ко глубокому рву... Те – за руки, эти – за ноги, раскачали да и бросили в пропасть...

И без крыльев, мол, долетишь!

Бросили и ушли. А собака с кошкой разнюхали следы да и прибежали в лес. Сидят над провалищем, смотрят вниз: не видать ли хозяина? Да где там! Уж больно глубокая яма-то...

Они себе смотрят, а Ваня летит... Летел, летел, летел-летел... Сколько дней, сколько ночей. А как упал, так и память потерял...

Лежит, бедняга, ни живой ни мертвый – не думает, не дышит и снов не видит... А сверху на помощь ему дружки ползут... Зверь – он не человек, в беде не покинет!

Очувствовался Ваня, поглядел кругом и видит: сидит в яме кошка на задних лапках и войсками своими командует. А кроты и мыши навтыяжку перед ей стоят.

Говорит кошка:

– Все ли собрались? Кого на перекличке нет?

А кроты и мыши отвечают ей:

– Нет, матушка-государыня, не все, не все! Нету еще хромого писаря.

– Да где ж он?

– А вон, матушка, идет-ковыляет, за другими не поспева-ет.

Тут подходит хромой писарь – серая шкурка, длинный хвост. Мала мыша, да повадка хороша.

Бегает не скоро, смекает споро.

– Ты что, хромой черт? Где пропадал?

– Матушка-государыня, не гневайся! Как ходил я на бе-лый свет, да как ударила меня та старуха проклятая поленом по ноге, так и стал я хромцом-тихоходом. Не угнаться мне за братьями-сестрицами.

– А помнишь ли ты дорогу на белый свет?

– Помню, матушка-государыня, помню. Как не помнить!

– Ну, так поди вперед, показывай путь. А мы все за тобой.

Махнула кошка лапкой, и пошло в поход войско мыши-ное, полки кротовые. Иду-идут, дорогу Ване расчищают. Сперва стоймя шли, потом пошли на коленках, потом – чет-вероного, потом – ползком поползли.

Землю кусали, пылью дышали – еле на белый свет выби-лись, Ваню вытащили.

А как вышли на белый свет, хромой писарь и говорит:

– Эта старуха, Ваня, что у тебя зеркало отняла, она и меня сильно обидела – ногу мне перебила. Пойдемте-ка да укра-дем у ней зеркало. Ты оставайся, Ваня, здесь, жди-поджидай, грибы собирай, а мы и без тебя управимся. Эй вы, кошка-со-бака, за мной.

Ждет Ваня – поджидает, грибы собирает, а те трое под

дверью у старухи сидят, совет держат.

Мышонок и говорит:

– Ты, кошка, у ей в головах сядь. Ты, собака, под изголовьем стань, а я к ней на грудь заберусь и стану под носом хвостом водить. Она чихнет да и отдерет голову от подушки. Тут уж ты, кошка, не зевай! Я знаю – зеркало у ней под подушкой лежит. Ты его хватай да собаке подавай. А собака пушай из дому утащит.

Сказано – и сделано.

Пробрались они в дом – мышка в щелку пролезла, кошка – в окошко. Пролезли и отворили дверь – собаку впустили. Собака у кровати стала, кошка в изголовье села, мышка на одеяло всползла. А знахарка-то спит – ничего не знает.

Подобрался мышонок к ей поближе, сел на грудь, давай под носом у старухи хвостиком водить – туды-сюды, туды-сюды!.. И не захочешь, да чихнешь!

Чихнула старуха и отодрала голову от подушки... Не успела затылок отпустить, а уж кошка схватила зеркало и собаке подала. А собака со всех ног – скок на порог, да из комнаты, да с крыльца, да по двору, да по дороге – и принесла зеркало Ване.

Взял его Ваня в руки, погляделся в него и говорит:

– Ах, зеркало, зеркало! Как же ты меня оставило?

А зеркало ему отвечает:

– Такая уж у меня, Ваня, судьба. Не в твоих руках было, не тебе и служило. Смотри же, крепче меня держи. С глаз не

спускай, из рук не выпускай!

– Нет, уже теперь не выпущу, – Ваня говорит. – А ты, зеркало мое, зеркало, перенеси меня опять на край моря, где камень лежит, где море шумит. И товарищей моих верных прихвати – кошку-подружку, собаку-друга.

Не успели оглянуться, а уж зеркало их перенесло... Ходит Ваня по берегу, не наглядится, не насытится. Вот хорошо-то: домой воротился!

– Зеркало, зеркало! Построй мне дворец всем дворцам на образец!

И встал на берегу дворец. И нигде на свете такого дворца нет, да, может, и не было.

Погулял Ваня по комнатам, полюбовался.

– Зеркало, зеркало, принеси ко мне японского царя дочку!

А она будто здесь и была.

– Ну, – говорит ей Ваня, – больше не бывать тебе в царстве японском. Так ты и знай.

А царица отвечает:

– Да я и сама туда больше не хочу. Насиделась в башне-то. Я и батюшке так напишу: «Остаюсь при своем Иване».

Получил царь японский письмецо, пишет ответ:

«Коли уж поженились – делать нечего: не разженишь.

Приезжайте в таком разе в нашей столице жить».

А Ваня и сам не поехал, и жену не пустил.

«Коли хотите, – отвечает, – милости просим сюда, до нашего порога, к нашему пирогу. А нам и дома хорошо».

Обиделся японский царь и открыл Руссе войну.

Чудо-чудное

Жили старик со старухой. Вот старуха и говорит:

– Старик! Пустил бы ты морду в реку – не попадет ли какая рыбинка.

– Отчего не пустить? Можно.

Наутро, чуть только колокол к заутрене, побежал старик к морде. Смотрит, попала щука большая-пребольшая. Старик и обрадел.

– Нам со старухой завтра на обед да на ужин хороша еда будет.

Взял щуку, очистил и говорит:

– Вот, старуха, голову – на латку, а хвост – на другую, а середку – в рыбник.

Она все сделала, как хозяин велел.

Воротился старик от обедни и говорит:

– Ну, старуха, давай обедать. Неси латку с головой.

Старуха принесла. Старик побрел ложкой, раз глотнул, другой зачерпнул – одна уха, а рыбы нет. Что за притча?

– Старуха, слышь, старуха? А рыба-то где ж?

– А не знаю, – говорит старуха, – я не выбирала.

– Ну, тащи другую латку, с хвостом. Неужели ж и хвост пропал?

Старуха и другую латку притащила. Смотрят: и хвоста нет.

– Ну, старуха, неси уж и рыбник. Поглядим, чего осталось.

Она скорей рыбник на стол. Разломала корку – середки нет. Ушла щука.

Делать нечего. Старик корки пожевал, ушицы похлебал, а рыбы-то и не видел – какова была.

Обтер он усы-бороду, Богу помолился и говорит:

– Пойду-ка я, старуха, на люди – рассказывать, какó чудо

у нас случилось. Это слыханное ли дело, чтобы вареная щука из латки ушла? А уж из рабника, из-под аржаной корки, – такого дива и на веках не бывало!

Старуха говорит:

– Ступай, батюшка, ступай! Расскажи!

Вот пришел он то ли в Беричиво, то ли в Маркомусы, – глядит, – тоже старик со старухой сидят, обедают.

– Хлеб да соль, люди добрые!

– И тебе хлеба кушать, добрый человек. Заходи с дороги.

Сидят за столом, обедают – тут хозяйева, тут гость, старик и рассказал про щуку-то.

– Вот, – говорит, – чудо какое: не у другого, не у третьего, в своем дому!

А хозяин ему отвечает:

– Это что! Вот со мной было – почудней твоей щуки. Погоди, я тебе расскажу, а ты послушай. Было это годов полста назад. Я еще молодой был. И вот оженили меня родители. Взяли женку из богатого дома. Хорошая родня попалась – тещь степенный, теща ласковая, а свояк разбитной.

Одна беда, – женка хоть красивая, да гулливая. Года со мной не прожила – завела любовника. Мне-то самому невдомек, да люди сказали.

Вот один раз собрался я в лес за дровами, запрег лошадь, выехал за околицу. С полчала времени постоял, а потом и воротился потихоньку да и спрятался на дворе.

Как стемнело, слышу я, что моя хозяйка со своим друж-

ком в избе гуляет.

Я скорей в избу. Только шагнул, женка ко мне навстречу.

– А, – говорит, – воротился? Подглядывать за мной вздумал?

Да как хлестнет меня плеткой:

– Был молодец, стань жеребец.

И стал я жеребцом.

Выпустили меня в поле. Я день хожу, и другой хожу... И раздумался: что же мне теперь делать-то? Дай-кось к себе на двор понаведаюсь, не помилует ли жена?

Только я в подворотню, а она тут как тут. Хлестнула меня плеткой, и стал жеребец кобелем.

Испугался я – мечусь по двору, а она за мной. Я под крыльцо, и она под крыльцо, я на сарай, и она на сарай. До той поры плеткой меня возила, покуда я на улицу не выскочил.

Тут она скорей подворотню заставила, и остался я на вольной воле.

Не успел дух перевести, набежали собаки и давай меня грызть-трепать. Охти-мнеченьки! Кое-как урвался я от собак, махнул в лес и по лесу бегу, бегу – сам не знаю, близко ли, далеко ли...

Есть мне нечего, истощал весь. Вижу падину, а есть не могу: ведь человеком был!

Смотрю, на одной поляне пастух ходит с коровами. Манит меня пастух к себе, а я не смею близко подойти.

«Бить, – думаю, – будет, дак опять беда».

Ну, да голод – не тетка. Слышу: пахнет жареным, и осмелел помаленьку. Поджал хвост, подошел поближе.

Пастух мне кусочек кинул. Я съел и гляжу, что дальше будет. А он и еще кинул, и еще... Я уж сыт стал, а пастух все кидает...

– Ах ты! – говорит. – Надо на деревню бежать, хоть хлебца еще принести.

Побег он на деревню, а я около стада хожу, присматриваю.

Воротился пастух, опять мне дает, да я-то уж не беру, потому шкура-то у меня собачья, а сметка человечья. Слыхал я от старых людей: много наешься с голоду, дак пропадешь совсем.

Вот солнышко не рано встало, и пошли мы с пастухом коров собирать. Собрали и гоним. Он себе идет да посвистывает, а я гоню и гоню. Пригнали в деревню весь скот. Пастух пошел ужинать и меня с собой берет. Заходит он в избу, а я не смею идти – повалился под порог, лег на веник и гляжу, не бранятся ли хозяева, зачем собаку пастух привел. Вижу – нет, не бранятся... Я кой-как ползунком, ползунком и – под лавочку.

«Вот, – думаю, – сидел за столом, да в переднем углу, да на лавочке, и за честь не считал, а нынче и под лавочкой лежу, дрожмя дрожу: не прогнали бы, не прогневались бы!»

Да ничего, не прогнали, накормили, напоили, и пошел я за пастухом на ту фатеру, где ему ночевать черед. Он спать

повалился, а я у него в ногах.

Утром опять вместе пошли: пастух коровушек выгонять, а я подгонять.

Так и живем двое все лето: пастух больше спит да гуляет, а я больше пасу.

Приметили это мужики и говорят пастуху:

– Ты что ж свое дело не справляешь?

– Как так не справляю? У меня весь скот в лучшем виде – хоть бы шерстинка пропала.

– Да ты спишь!

– А чего же мне не спать? У меня один пес за всем стадом углядит.

– Ан не углядит.

Вот и побились они об заклад.

Мужики говорят:

– Сегодня ты не ходи. Пусть кобель один пойдет.

– Ладно.

Пошел я в лес один со скотом. Пригнал на хорошо место, глаза не завел – присматриваю. Вот солнышко на вечер покатилося, и тут – на! Приходит волк. Приходит и сейчас – в стадо.

Схватились мы с им драться, я его рву, а он меня пуще! Он меня рвет, а я его пуще! Никоторый никоторого перемогчи не может: сила наравни.

А скот мой, гляжу – где-нигде... И не видать его стало!

«Ахти мне, – думаю, – далеко разбежались, во всю ночь

не соберу».

И до того я рассердился, ажно впился волку в горло. Он и туда, и сюда – ничего не может сделать. Повалился – хоть домертва грызи!

Бросил я его и побежал скот собирать. Всех коров собрал до единой скотинки и ночью, в потемках уже, гоню в деревню, а крестьяне все стоят на улице.

– Нет, – говорят, – добра! Ночь на дворе, – видно, волк всю скотину придавил...

А тут колокольцы-то и забóтали. Идут коровушки, выменем до земли достают, – кормленные, сытые... А я справа забегу да слева подгоню, полаиваю да потявкиваю – берегу скот.

Крестьяне говорят:

– Вот мои идут!

– И мои идут!

– Идут! Идут!

Все коровушки домой пришли, никого не придавил волк.

– Ну, – говорят, – и пес! Ну и пес! Чисто человек!

И пошла слава про меня широко и далеко. Был человеком – дак псом ругали, а стал псом – дак человеком хвалят.

– Есть, – говорят, – кобель, что один пасет скота, сколько голов ни дай. Умный кобель, умней писаря.

А что писарь? Я этих писарей, может, два десятка видал: всякие бывают.

Ну а все ж таки лестно мне: кормят сытно, по шерсти гла-

дят, я и живу себе помаленьку.

Вот уж и лето к концу. «Как, – думаю, – зимой будет?»

А тут вдруг в соседском городе покражи начались. Ходит вор, все лавки подламывает, и никак его поймать нельзя.

Всполошились купцы и послали одного за мной к пастуху.

– Что, – говорят, – запросит, то и давай. Товар да спокой дороже денег.

Приезжает купец на тройке и сейчас к пастуху.

– Продай кобеля!

Пастух не продает.

– Что угодно бери, а только продай.

Пастух запросил триста рублей, а купец уже и деньги подает.

– Мой, – говорит, – кобель!

Я вижу – купил меня купец, да и бросился ему сейчас на грудь (уже и всяки собачьи повадки знаю). Купец мало-мало на затылок не улетел, а не сердится.

– Вот, – говорит, – резвый! Вот, – говорит, – сильный!

Посадил он меня в повозку, а мне в повозке не сидится. Я прыгнул туда, где кучера сидят, выстроился на облучке, ветром дышу.

Эх, везут меня, а шерсть на мне так и расступается: отъелся в пастухах-то!

Ну, привезли меня в город, где пропажа случилась.

Услыхали люди, что кобель прибыл, бегут смотреть, кто булку несет, кто сайку, а ничего не беру. Разве кто подаст на

тарелочке закусочку, – то слизну.

Построили мне в гостинном дворе будочку, и меня на цепь посадили.

«Вот, – думаю, – не городской голова, а цепь на шею пожаловали, не каторжник, а к стенке приковали. Одно слово – собака!»

Сижу около своей будки – про старое вспоминать неохота, про новое загадывать – боязно.

Уж и ночь настала. Только собаки полаивают, только караульные покрывают. А как глухая полночь – и собаки замолкли, и караульные не кричат: все равно, как нигде никого нет.

И слышу я, идет по пришпекту, по панели, будто сенная куча катит. И прикатила эта сенная куча прямо к моей лавке. Коленком уперлась и двери выломил.

Вижу, самолучший товар набирает и кладет в тюк. И набрала этого товару самолучшего, сколько унести могла, и выходит из лавочки с товаром.

Я гляжу и думаю, как бы это ее захватить, чтобы цепи хватило.

Соскочил с будочки – да прямо на вора, едва и живого отпустил, кое-как он от меня уплеся.

А я на товар повалился и лежу, чтобы кто другой не унес.

Вот глухая полночь прошла, и опять собаки залаяли и караульные запокрывали. Утренняя заря настала. Вижу – обход идет, лавки осматривать.

Заходят в мою да так и стали – кругом все чисто. Крали да и украли. Ничего не оставили.

– Вот, – говорят, – триста рублей за кобеля дали, а лавка подломлена. Где он, сторож этот хваленый? Спит небось!

Пошли к моей будке и видят: весь товар тут, только что примялся маленько. Ну, взяли они из-под меня и понесли в лавку. На много тыщ украдено было. Сами и определить не могли – оценщиков приводили.

Ну, сняли с меня цепь и повели по домам обедом кормить. Опять несут булки, сайки, а я на это и не гляжу, только закусочки с тарелочки слизну, да и пошел себе!

Живу я в этом городе долго ли, коротко ли, гостиный двор караулю, а слава моя далеко покатилась.

Докатилась славушка и до самого царя.

А царь в ту пору в большой заботе ходил. У него во дворце беспокойно стало. Все, что ни есть лучшего, невесть куды теряется. До того дошло, что хоть корону руками держи.

А тут еще царица тяжела сделалась – ей время родить, а она плачет, боится... Пропадет наследник, что будет делать? И царь сомневается, так и так прикинет, а ничего не выдумает.

Ему и говорят:

– Надо этого кобеля купить, – пусть сторожит.

Царь обрадел, сейчас сряжает за мной генерала одного.

– Купи у купцов кобеля. Что запросят, то и давай.

А если на деньги не согласятся, то дал тако письмо, что,

мол, и так везите.

Поскакал генерал. Собрал всех купцов, показывает записку.

Они молчат. Царско слово, брат! Что отвечать станешь?

Генерал говорит:

– Ну, не хотите за деньги, задарма увезу. Какой ваш приговор?

Купцы говорят:

– Что, робята, чем без денег, так лучше за деньги...

И согласились взять с генерала пятьсот рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.